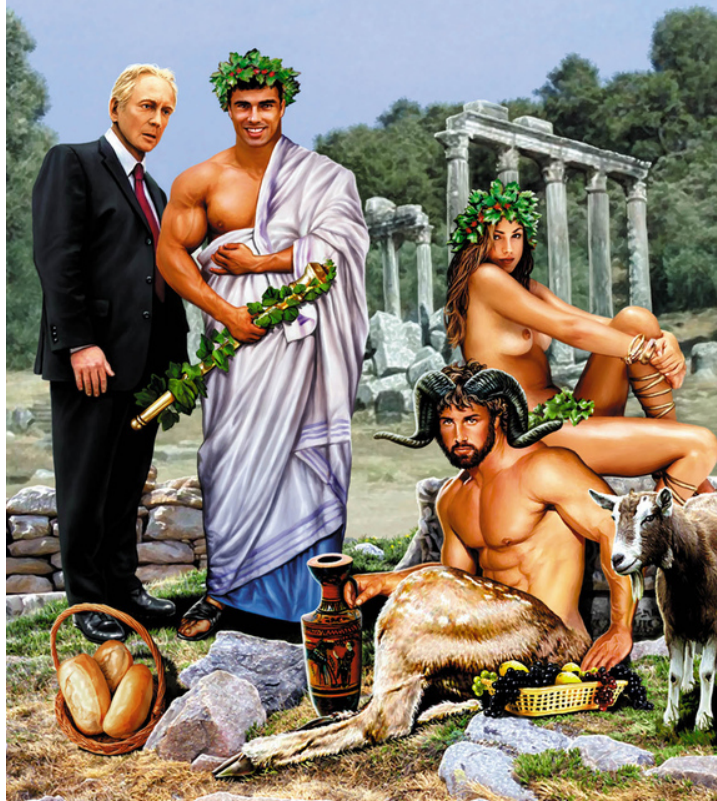

АНДРЕЙ ПЛЕХАНОВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ЛЕВЫЙ ГЛАЗ

Андрей Вячеславович Плеханов

Левый глаз (сборник)

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161761

Аннотация

Что произойдет, если криминальная братва перенесет свои разборки в виртуал? Может ли рисунок на кафельной плитке угрожать существованию всего человечества? Как использовать кошек для предотвращения глобальной катастрофы, гиббонов – для коррекции кармы, а левый глаз – для перемещения в иные реальности? Ответы на эти вопросы вы найдете в произведениях популярного писателя Андрея Плеханова.

Содержание

Душа Клауса Даффи	4
Узоры для умных и тупых	113
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Андрей Плеханов

Левый глаз

(Сборник)

Душа Клауса Даффи

Звонок заголосил, запиликал свою жизнерадостную мелодию и заставил Клауса вздрогнуть и уронить вилку. Клаус вытер салфеткой жир с губ. Поесть не дают. Мешают, лезут в душу.

Страх, проклятый страх. За все эти годы он так и не научился бояться. Не смог сделать маленький шаг к самосовершенствованию.

Клаус не ждал чьего-либо визита – уже неделю никто из людей не заставлял его вспомнить о своем существовании. Черт, как нехоти. Он снял со стола тарелку с остатками жареной кроличьей ноги, поставил ее в холодильник, закрыл белую эмалированную дверцу. Так... Остались ли еще следы преступления? Остались, конечно. Запах жареного мяса. *Эти* учуют запах, каким бы слабым он ни был – обоняние у них как у собак. Да и все остальные органы чувств – на высшем уровне...

Люди не едят мяса – это знает всякий. С точки зрения

Клауса – дурацкий обычай. Ходить голым по улице – это пожалуйста, сколько душе угодно, а вот есть отбивную на ребрышке стыдно и неприлично.

Ну и ладно, они и так знают все, что делает Клаус. Все, что он вытворяет. Все равно они не считают Клауса своим. И все равно они не накажут Клауса – никогда не накажут, не дозволено им это. Каждый в этом мире волен поступать как хочет. Имеет право на любые деяния, даже постыдные...

Клаус спустился со второго этажа, прошел через каминный зал и открыл дверь. Соседка с улицы Calle Verda стояла на террасе, на фоне пустого бассейна, заваленного всяким мусором. Она улыбалась. Девушка с уменьшительно-ласкательным именем Наташенька. Соблазнительная блондинка с длинными, загорелыми, хорошо ухоженными ногами и зелеными глазами. Глазами цвета озерной лягушки периода спаривания. Наташенька... Когда-то Клаус имел с ней романчик – давным-давно, лет сто назад. Хорошенькая бабеночка, что и говорить. А вот завалить ее сейчас в постель – полюбить ее неистово, с рычанием, – так, как это было тогда, в старые добрые времена... Экспромтом, без предварительных переговоров. Нет, не получится. Теперь она живет с этим рыжим, как там его... С Сергеем, специалистом по выращиванию съедобных кактусов, а также по изготовлению из них текилы. Замечательная текила – Сергей дал ей название "Calpe Superior". С лимончиком, с солью. И с перчеными, обсыпанными испанскими специями бифштексами из тех же самых

кактусов.

Клаус сглотнул слюну. Не согласится Наташенька. А может и согласится. Даже скорее всего согласится, но не сразу – потребуются галантный подход, охмурение, употребление полуживых, реанимированных в памяти комплиментов, журавлиные брачные танцы. Скучно...

Нужно сменить место жительства. Давно пора. Приятное местечко Кальпе – мягкий климат, пальмы, невысокие горы. Тысячи непуганых жирных кроликов, скачущих по окрестностям – так и жаждут попасться Клаусу в силоч, на зубок ему – в дивно жареном, запретно-аппетитном виде. Средиземное Море, дикий пляж – дичее не бывает. Девочки подставляют солнцу свою гладкую кофе-с-молоком кожу, принимают эффектные позы, сверкают белозубо, играют в волейбол. Девочки, только девочки, никаких старушенций и даже женщин среднего возраста. Клаус вздохнул. Боже, как надоели ему эти вечнозеленые, вечноцветущие древние девушки. Все они давно надоели Клаусу, а он сто лет назад надоел им. Бесконечное повторение. "В моем доме тысяча пластинок"... Всего лишь тысяча – и ни одной больше. Тысяча девочек-пластинок, проигранных по пять тысяч раз, заигранных до фальшивого треска в динамиках. Скучно.

Свалить отсюда. Уехать в другую резиденцию, увидеть новые свежие лица. Познакомиться со всеми, поговорить с каждым, наслаждаясь умной беседой за чашечкой кофе. Хороший кофе с хорошим коньяком. Пора. Хотя бы раз в сто

лет нужно менять место жительства.

Ерунда все это. В любой из резиденций мира он найдет все то же самое: немногочисленное сообщество совершенных людей, задвинутых на своих мыслеформах. Людей, которым он, Клаус Даффи, не нужен. Бездарь и бунтарь, воняющий съеденным мясом. Ф-фу! Никто, конечно, не покажет своей неприязни, ему помогут устроиться на новом месте, даже вежливо спросят, не хочет ли он освоить новые достижения в психовизуализации, и он, как всегда, вежливо откажется... Вот бы сейчас настоящую девушку, действительно молоденькую, и, само собой, жизнерадостно-глупую, не знающую ничего ни о мыслеформах, ни о Руне Здоровья. Просто живущую. Живую. Где теперь такую найдешь? Все молодые девушки превратились в старух и умерли века назад.

Новусы поймали Клауса в силки как кролика. Как молодого, глупого кролика. Они заразили его, испортили. Они изувечили всё, что он имел. Всё, кроме его души. Он давно уже не глуп, но молод навечно, навсегда, до бесконечной восьмерки, заваленной пинком набок. Неизлечимая болезнь молодости. Триста лет каждое утро, каждый день смотреть в зеркало на свое изуродованное юностью и красотой тело. Густые шелковистые волосы, чувственные губы, жемчужные ряды зубов. Мускулистая грудь, плоский живот, тело без малейшего изъяна. Как он ненавидит этот манекен, столь похожий на него, Клауса Даффи. Триста лет... Депрессивная тоска. Тоскливая депрессия. Масло масляное.

– Привет, Наташенька, – сказал он. – Очень рад тебя видеть. Ты потрясающе выглядишь. Сергею повезло с тобой. Передай ему, что я ему завидую.

– Перестань дурачиться, Клаус, – Наташа тряхнула головой, откинула пальцами светлый локон, падающий на лоб. – Ты же знаешь, позавчера Сергей уехал.

– Я не знал об этом. – Клаус хмыкнул. Чертовы новусы знают друг о друге все и всегда – безо всякого радио и телевидения. Они видите ли, слышат друг друга.

– Не знал?

– Я не телепат, в отличие от всех вас. Ты что, забыла?

– Ах да, извини. – Во взгляде Наташи появилось сочувствие – так смотрят на умственно отсталого ребенка. – Извини. Сергей уехал на два года – в резиденцию Ситтард. Роб Бракен согласился обучить его Руне Полета.

– Значит, теперь ты одна? Скучаешь?

– Нет. Как я могу скучать? У меня есть работа, много неосвоенных рун.

– А вот мне скучно! – заявил Клаус. – Мне дико скучно. Давай я завалюсь к тебе сегодня вечером? У меня есть бутылка классного коньяка. "Rйму Martin", производство две тысячи пятого года, представляешь?

– Откуда ты взял такую древность?

– Выкопал.

– Выкопал?

– Ага, в прямом смысле этого слова. Тут рядом есть разва-

лины древнего городка – кажется, он назывался Мантанейра. Я проводил очередные археологические раскопки и наткнулся на бодегу¹ с пятью тысячами бутылок. Большая часть, конечно – дрянь, скисшее сухое вино. Но несколько ящиков крепкого пойла сохранилась отменно. Давай нарежемся сегодня вечером, вспомним былое...

– Такие старые напитки пить нельзя, – произнесла Наташа брезгливо. – Это вредно. И вообще, сегодня вечером не получится, потому что у тебя есть дела. Сегодня ты уедешь.

– Что, Патрик? – изумленно выдохнул Клаус.

– Да, он. Он согласился. Он ждет тебя.

* * *

Клаус добивался аудиенции у Патрика Ньюмена в течение многих лет. Как долго? Он и сам уже не помнил. Лет двадцать, наверное, назад в его голову пришла мысль побеседовать с Патриком, рассказать ему о своих душевных переживаниях, попросить совета. Казалось бы, чего проще: один человек хочет встретиться с другим, хочет поговорить – какие могут быть тому препятствия? Пусть даже один из этих людей – патриарх новусов, а второй – новус недоделанный, тупица и лентяй, отказывающийся изучать руны. В мире свободных людей все равны. Увы, Патрик не дал согласия на

¹ Bodega – винный погребок (исп.).

встречу. Он имел право на свободу действий – точно так же, как и Клаус Даффи. Он мог дать согласие, а мог и не дать. Он выбрал второе.

Обидно. Почему-то Клаус считал, что Патрик Ньюмен не отказал бы в беседе никому из полумиллиона людей, населяющих планету. Может быть это было и не так; вполне вероятно, что Ньюмен – человек, придумавший методику аутогенной психовизуализации и все первые руны, самый первый из новусов, редко встречался с людьми. Клаус не знал этого, не имел информации. В этом мире, красивом и чистом, не было ни газет, ни радио, ни телевидения. Не было ни средств массовой информации, ни необходимости в их существовании. Люди каким-то образом общались между собой, легко преодолевая десятки тысяч километров, разделяющих континенты. Клаус называл это телепатией – так ему было проще. Он все еще старался втиснуть невероятные способности, столь естественные для новусов, в рамки стандартов трехсотлетней давности. Вряд ли это было именно телепатией, скорее всего действительно имел место какой-нибудь вид связи. Клаус мог бы узнать об этом больше, достаточно было спросить и ему бы объяснили. Но он не хотел знать и не спрашивал.

Новусы. Представители человеческого вида Homo novus. "Человек новый". Кто придумал этот помпезный термин – сам Ньюмен, The Great New Man, гений из гениев? Да нет, вряд ли. Патрик никогда не корчил из себя гения и мессию,

не был склонен к шумным эффектам, вел себя тихо и скромно. Ярлык "Homo novus" изобрел и выпустил в свет кто-то из его последователей Ньюмена. А может быть, и кто-то из его врагов, старающихся натравить обычных людей на Ньюменитов. Так или иначе, слово это со временем стало самоназванием новусов.

"Я – новус? – подумал Клаус. – Новус... Черта с два! Никакой я не новус! Я просто обычный человек. Я – Homo sapiens, последний из оставшихся в живых. Человек разумный. Человек, разумно заботящийся о своей душе".

Клаус врал сам себе. Был он чистой воды новусом, и то, что он дожил до трехсот сорока лет молодым и здоровым, красноречиво свидетельствовало именно об этом. В любую минуту он мог сесть в позу полулотоса, поставить перед собой проволочную заготовку для руны и приступить к визуализации. Этого было достаточно, чтобы приобщиться к достижениям совершенных людей. Но Клаус не визуализировал, и вовсе не лень была тому причиной.

Сейчас он убеждал себя, что его обманули, заставив стать бессмертным. В 2007 году он так не считал. Он приступил к освоению аутогенной психовизуализации по собственной воле. Более того, он уповал на этот метод как на промысел Божий, надеялся на него как на последнее средство, способное спасти его угасающую жизнь. Собственно говоря, так оно и случилось. Если бы не методика Ньюмена, косточки Клауса Даффи давно бы уже сгнили в земле.

Клаус Даффи родился в 1980 году в городе Пиро, штат Южная Каролина.

3 ноября 2005 года канадский психиатр Патрик Ньюмен изобрел Руну Здоровья. Через два месяца он опубликовал свою методику по всему миру – в Интернете и средствах массовой информации, дав человечеству возможность бесплатно и самостоятельно исцелиться от всех болезней. Он дал методике название "Аутогенная психовизуализация". Сокращенно – "АПВ".

10 августа 2007 года хирург-онколог сообщил двадцатилетнему программисту Клаусу Даффи, что, меланома, которой тот страдает, увы, не подлежит оперативному лечению, потому что первичная опухоль дала множественные метастазы в печень, легкие и другие внутренние органы.

"Мы можем предложить вам химиотерапию, – сказал онколог, – но это может отсрочить м-м-м... скажем так... развязку не больше чем на полгода. Жаль, что вы не новус. Новусам остается только позавидовать".

"Почему это я не новус? – буркнул Клаус. – Вполне может быть, что я как раз из этих мутантов. Кто знает?"

"Так что, вы до сих пор не попробовали методику Ньюмена? – изумился доктор. – Вы уже полгода страдаете злокачественным заболеванием и не опробовали то, что можно освоить за две недели?"

"А что толку? – Клаус махнул рукой. – Вы сами прекрасно знаете, что способности новуса проявляются только у одно-

го человека из двенадцати тысяч. Смешно уповать на столь ничтожный шанс. К тому же эти новусы – они, знаете ли, не от мира сего. Пишут про них всякое"...

"Глупости все это, – сказал врач, с трудом скрывая раздражение. – Они совершенно нормальные люди и кровь младенцев не сосут. Вы-то сами знакомы хоть с одним хомо новусом?"

"Нет, конечно. Как новуса узнаешь? Они же маскируются под обычных людей".

"Они и есть обычные люди – только здоровье у них лучше, чем у нас с вами. Попробуйте эту методику, мистер Даффи, хуже вам не будет. Извините за откровенность... – доктор смущенно кашлянул в кулак, – хуже быть уже не может. Попробуйте, и может быть, вы поймаете свой шанс".

Вернувшись домой, Клаус полез в компьютер и выловил в сети все, что говорилось о методике АПВ. Он увлекся чтением. Учение Патрика Ньюмена оказалось неожиданно приятным для Клауса: оно состояло не только из практических рекомендаций, но и из философских рассуждений. За полгода страшной болезни Клаус не на шутку увлекся восточными религиями, и всерьез верил в то, что душа его после неизбежной скорой смерти освободится, пройдет Колесо Перерождения и воплотится в новом, более совершенном теле. Концепция, которую выдвигал Ньюмен, представляла собой типичную американскую версию аутогенной релаксации, не имела явных признаков религии, и в то же время совпадала

с принципами Пранаяны по многим пунктам. Практическая методика напоминала медитацию при хатха-йоге. Ньюмен утверждал, что психовизуализация способна сделать человека по-настоящему свободным, а это, в свою очередь, позволит сознанию управлять скрытыми ресурсами организма... Много там чего было, в этой сложной, но убедительно изложенной теории.

Клаус вдохновился, поверил в учение истово и искренне. Он заказал через Интернет все необходимое и приступил к занятиям. Две недели, как и положено, он каждый день по полтора часа сидел на полу, согнув левую ногу и вытянув вперед правую, глядел на проволочную фигурку в виде буквы Е, укрепленную на столе, и выполнял действия, предписанные методикой АПВ. Каждый день перед тем, как начать сеанс, он молился богу и просил ему дать чудесный дар новуса. Он понимал, что шанс на то, чтобы оказаться чувствительным к методике, ничтожен. И все же он не терял надежды.

На четырнадцатый день занятий нижняя перекладинка буквы Е поднялась, а средняя – опустилась. Получилось нечто вроде русской буквы Б. Та самая фигурка, которую Патрик Ньюмен назвал Руной Здоровья.

Клаус Даффи закрыл лицо руками, лег на пол и заплакал. Никогда в жизни он не испытывал такого потрясения.

В эти минуты он думал только о том, что скоро вылечится. Никто тогда, даже сам Патрик Ньюмен, еще не знал, что дар

новуса – это пропуск в рай. И что до рая осталось еще почти столетие адových мук.

Клаус больше не ходил к онкологу. Он не мог представить, как пройдет по коридору – безупречно, возмутительно здоровый, мимо очереди пациентов – едва живых, лысых, потерявших волосы после лучевой терапии.

Через месяц доктор позвонил сам.

"Ну как вы, мистер Даффи?" – спросил он участливо.

"Я здоров", – сказал Клаус, борясь с желанием бросить трубку.

"Так что, это значит, что вы" ... – голос доктора сорвался от волнения.

"Именно это и значит, – сухо сказал Даффи. Убедительно прошу вас никому не рассказывать об этом. Я думаю, вы прекрасно понимаете, чем это может мне грозить".

Доктор, к счастью не проболтался никому. Но Клаусу все равно пришлось сменить место жительства и работу, переехать в другой город. Новусов не просто не любили – им завидовали остро, жгуче. Зависть переросла в ненависть почти сразу же, и ничего поделать с этим было нельзя.

Восприимчивость к методике Ньюмена никак не зависела от веры в его учение. Миллионы людей изо дня в день, из месяца в месяц сидящие на полу и глядящие на прямоугольные проволочки в надежде освоить руну, не добивались ни малейшего результата, если не имели генетической предрасположенности. Увы, ни прилежность в занятиях, ни неисто-

вая вера не могли помочь фанатикам психовизуализации, даже самым ярым. Чувствительность к методу была даром случайным и очень редким. Невероятно редким.

Согласно данным статистики, восемь десятых населения земли опробовали на себе методику Ньюмена. Сколько людей стали в результате новусами, точно подсчитать не удалось – счастливики не спешили афишировать обретенный чудесный дар. В начале, в 2005 году, еще существовала эйфорическая иллюзия, что согнуть руну может почти каждый, и ошалевшие от счастья новусы время от времени выступали по телевидению, позволяли публикацию своих фамилий и фотографий. В январе 2006 произошло убийство новуса – известного московского скульптора Владимира Сухарева. Убийство бытовое: Сухарева зарезал сосед по лестничной клетке, больной тяжелой формой астмы и доведенный до сумасшествия безуспешными многомесячными попытками освоить Руну Здоровья. Это был первый случай, когда новуса убили за то, что он новус. В феврале 2006 года в мире произошло восемь аналогичных преступлений. В марте – тридцать два. В апреле – пятьдесят убийств плюс сто двенадцать покушений на убийство. Следовало признать, что публичное оглашение принадлежности к новусам начинало смахивать на подписание смертного приговора.

Большинство восприимчивых к методике Ньюмена решили эту проблему быстро и радикально. В течение нескольких месяцев они сменили место жительства и растворились

в массе обычных людей. В сущности, хомо новусы ничем от остальных людей не отличались, разве что здоровьем. Душе-раздирающие газетные сенсации, что новусы – мутанты, питающиеся жизненной энергией окружающих, что новусы могут наложением рук излечивать любые заболевания, но не делают этого из-за ненависти к обычным людям, что новусы – посланцы Сатаны, были не более чем беспардонным бульварным враньем.

Сложнее пришлось самому Патрику Ньюмену и нескольким его известным последователям. Ньюмен не видел трагедии в том, что метод его оказался доступен только избранным. Миллион людей, исцелившихся от всех болезней – его радовала и такая, далеко немалая цифра. Ньюмен был истинным, непритворным гуманистом, посвятившим жизнь здоровью человечества. Он выступал с лекциями по всему миру бесплатно – огромные аудитории собрали бесчисленные толпы слушателей. Ньюмен убеждал людей, что Руна Здоровья – только первый шаг в общем духовном прогрессе человечества, что будут найдены новые руны, что будет усовершенствована методика, и это позволит стать здоровым и гармонично развитым любому и каждому. Он говорил, что всем людям нужно прибегнуть к аутогенной психовизуализации, и даже если это не приведет к освоению руны, то неизбежно сделает человека лучше, чище, счастливее...

Идеи Ньюмена вызывали стойкую неприязнь у многих. На него подавали в суд, ему отказывали во въезде в различные

страны и даже объявляли персоной нон грата. Его обвиняли его в неапробированных, незаконных экспериментах по вмешательству человеческую психику. Попытались выставить его руководителем тоталитарной секты. Против Ньюмена резко выступали представители всех основных религиозных конфессий, объясняя, насколько богопротивны его деяния. С другой стороны, миллионы молились на него как на ново-явленного мессию. Тысячи безнадежно больных ежедневно осаждали Патрика Ньюмена с одной единственной просьбой: излечить их, неважно каким способом.

Пятое покушение на Ньюмена было совершено в мае 2007 года. После этого он пролежал в клинике целых два месяца. Десять пулевых дырок отправили бы обычного человека на тот свет поездом-экспрессом, но новус Ньюмен выкарабкался. С тех пор он не выступал публично – больше того, добраться до него стало делом немыслимой сложности. Патрик перебрался в личную резиденцию и углубился в медитацию, пытаясь создать новые руны.

Почему он построил свой городок-резиденцию в глухом сибирском лесу, в непроходимой тайге Красноярского края? Почему он принял российское гражданство, демонстративно отказавшись от гражданства канадского? Он не объяснял этого. По слухам, причем весьма достоверным, покровительство ему оказал то ли премьер-министр России, то ли даже сам русский президент – само собой, скрытый новус и последовательный адепт Ньюменовского учения.

Резиденция называлась Жукова Яма – такие странные русские слова, транслитерированные без перевода на все языки мира. Количество обитателей городка медленно увеличивалось, пока не достигло пяти тысяч. Не все они были новусами – около двух тысяч являлись обычными людьми, невосприимчивыми к рунам, но преданно относящимися к идеям Ньюмена. Ньюмен медитировал, писал книги, общался с миром посредством телевидения и электронной сети. Все остальные работали на многочисленных плантациях, фермах, оранжереях Жуковой Ямы, выращивали еду.

Одним из основных постулатов учения Ньюмена было вегетарианство. В этом он не отступал от основных правил поведения классической йоги – для всех, кто занимался психовизуализацией, было предписано воздержание от зла ко всем живым существам, милосердие, правдивость, доверительность и добросердечие. Вот только аскетического образа жизни, в отличие от йоги, не предполагалось. Обитатели Жуковой Ямы жили в свое удовольствие, кушали обильно и вкусно, не гнушаясь деликатесов. Само собой, все изысканные яства на их столе имели растительное происхождение. В деле выращивания вегетативной продукции новусам не было равных. В суровых климатических условиях Сибири они умудрялись получать необыкновенно богатые урожаи. Все, что росло на фермах резиденции – от пшеницы до ананасов – отличалось высочайшим качеством и абсолютной экологической чистотой. Через три года после начала своего суще-

ствования Жукова Яма не только завалила дешевыми и отличными продуктами близлежащие области, но и начала импорт технологий. В это же время были созданы еще четыре резиденции новусов – в Бразилии, Перу, Китае и Конго.

Академики всего мира изумленно почесывали макушки, глядя на эволюцию науки новусов. Путь, по которому развивались технологии новусов, все больше отклонялся от основного русла научно-технического прогресса. Новусы категорически отвергли бензиновые двигатели, они использовали только электричество, добываемое при помощи ветровых и солнечных станций. Нельзя сказать, что новусы отказались от применения техники – напротив, в мастерских резиденций производились разнообразные механические устройства. Все они работали на электричестве – настолько эффективно, что любые дизельные и бензиновые устройства, загрязняющие воздух ядовитыми выхлопами, казались рядом с ними безнадежно устаревшим хламом. Новусы не держали в секрете свои технологии – наоборот, они старались распространить их как можно шире по всему миру, продавая их по удивительно низким ценам. Собственно говоря, нечему там было дорого стоить – большинство изобретений новусов отличались лаконичной простотой, воспроизводились без особого труда, и странно было, что человечество до сих пор не додумалось до такого.

Итак, человечество встало перед фактом, который трудно было отрицать – новусы оказались не только здоровее

остальных людей, но и умнее их. Причем разница в интеллектуальном уровне между новусами и обычными сапиенсами (всего лишь сапиенсами) увеличивалась с каждым годом. Довольно долго Ньюмен пытался скрывать от мира статистику – безусловно, приятную для новусов, но не слишком лестную для остального человечества. И все же информация выплыла на свет божий, стала доступна широкому обсуждению: если первоначально лица, восприимчивые к методике АПВ, представляли собою самый широкий спектр интеллектуальных и эмоциональных типов, от неврастеничных гениев до флегматичных тупиц, то, став новусами, все они в течение двух-трех лет превратились в умников с устойчивой психикой, с IQ не менее 140-160 единиц, а ежедневные занятия психовизуализацией делали их все совершеннее.

Впрочем, эти факты были восприняты обычными людьми спокойно. К 2015 году ажиотаж вокруг Ньюмена и его методики давно стих. К новусам привыкли, они выделялись в мире не более, чем, к примеру, кришнаиты. Да, новусы были умницами, были неагрессивными и добродушными вегетарианцами. Стоило ли ненавидеть их за это? Все уже давно поняли: лотерея счастья оказалась одноходовой, и те счастливицы, кому выпал неожиданный билет стать хомо новусом, уже не увеличат свою немногочисленную популяцию. Остальным на этот поезд не прыгнуть. Истеричные вопли многих политических деятелей, обвинявших новусов в высокомерии и стремлении незаметно поработить челове-

ство, скупить его с потрохами, превратить в поставщика тупых рабов, прислуживающих высшим существам, не находили широкой поддержки. Ясно было, что новусы – люди не жадные. Финансовые корпорации, официально созданные коммунами-резиденциями новусов, контролировали более двадцати процентов мирового рынка сельхозпродукции и семь процентов промышленного производства. Однако значительная доля получаемых ими прибылей открыто, может быть, даже с некоторой показной рекламностью, уходила на гуманитарные программы. Борьба с особо опасными инфекциями в Африке, программа образования детей младших классов в Индии, защита лесов и спасение от вымирания индейских племен Амазонки и прочее тому подобное – банки новусов щедро выписывали чеки на миллионы и даже миллиарды долларов.

Впрочем, нельзя сказать, что хомо новусы полностью избавились от проблем. Восемьдесят процентов новусов по-прежнему жили вне резиденций, маскируясь под обычных людей. По многим признакам можно было заподозрить, что они "новые" – интеллектуальные способности, позволяющие быстро двигаться по служебной лестнице, рассудительность и неагрессивность, вегетарианство... Но живущие "в миру" новусы были не так глупы, чтобы открыто подставляться. Они умело симулировали злобность характера, тупость и даже (даже!) мясоядение. Они становились самими собой только тогда, когда возвращались домой, запирали двери на мощ-

ные замки, смывали в ванной городскую пыль и опускались на пол в позу полулотоса. Садись, чтобы предаться любимому своему занятию – психовизуализации. Искусству, недоступному обычным сапиенсам.

Труднее всего пришлось новусам, живущим в странах, находящихся под контролем тоталитарных режимов и религиозных фундаменталистов. В этих странах охотились на новусов не менее фанатично, чем на ведьм в средневековой Европе. Тысячи людей были убиты, даже не будучи новусами, просто лишь по подозрению в занятиях аутогенной психовизуализацией. Нужно отдать должное Патрику Ньюмену и его сподвижникам – они не бросили несчастных в беде. Более двухсот тысяч людей было правдами и неправдами вывезено из Ирана, Алжира, Ливии и других тоталитарных стран и поселена во вновь созданных резиденциях. Разумеется, большая часть из них не была новусами, но Патрик не делал особых различий между восприимчивыми к методике и просто адептами его учения.

Время работало на новусов. Год шел за годом, десятилетие за десятилетием, но новусы не старели. Они застыли в том возрасте, когда получили свой уникальный дар, они наблюдали, как старятся и умирают их близкие и родственники. Никто еще не заикался о грядущем бессмертии, но в том, что новусы проживут намного дольше обычных людей, никто уже не сомневался.

К 2020 году в мире существовало восемнадцать резиден-

ций, большая часть из которых находилась в глухих и труднодоступных лесных регионах.

В 2025 году по миру прокатилась новая волна всеобщей нелюбви к новусам. К этому времени тем вечноздоровым, кто ассимилировался в общечеловеческом социуме, все труднее стало скрываться. Их неувядаемая молодость и непробиваемое финансовое благополучие начали выпирать слишком явно – так подводные валуны поднимаются над морем во время отлива. Убийства новусов возобновились. Ньюмен нажал на все имеющиеся у него рычаги влияния, и в большинстве стран мира были приняты законы, специально защищающие людей, восприимчивых к методике АПВ, проведены специальные мероприятия, подобные службе защиты свидетелей, в результате чего сотни тысяч новусов при поддержке государства сменили место жительства, а также имена и фамилии. Увы, не обошлось без трагедии: резиденция Лашо, недавно созданная в джунглях Мьянмы, подверглась нападению. Повстанцы из Армии Пролетарского Освобождения имени товарища Нге Му, рыскающие по лесам в поисках легкой поживы, обратили вдруг свое справедливое революционное внимание на резиденцию, немедленно объявили ее "гнездом международного империализма" и атаковали, не оставив камня на камне. Почти две тысячи обитателей резиденции погибли – они не могли нарушить принцип ненасилия и защитить себя. Несчастных людей резали как баранов. По официальной информации, погибли все. По

слухам, десять человек все же спаслось.

Корреспонденты всех ведущих средств массовой информации бросились к Ньюмену. Главным вопросом был такой: станут ли новусы мстить? Средств у них хватило бы не только для того, чтобы уничтожить повстанцев, но и сравнять с землей всю Мьянму. К удивлению прессы, не избалованной любовью Патрика Ньюмена, восьмидесятилетний патриарх новусов появился на экранах собственной персоной. Миллиарды телезрителей увидели его спокойное молодежавшее лицо, выглядящее не более чем на сорок лет. "Ваш вопрос звучит странно, – ответил Ньюмен корреспонденту, – разумеется, мстить мы не будем. То, что произошло – ужасная трагедия не только для нас, но и для всего человечества. Мы скорбим, мы плачем о наших погибших братьях и сестрах, но мы не думаем о мести. В наших сердцах нет места злобе, наши действия не могут нести смерть и насилие. Те, кто любит разглагольствовать о сверхчеловеческой природе "новых людей", должны взглянуть в глаза правде и признать совершенно очевидный факт: новусы беззащитны перед обычной человеческой агрессией. Это может поставить нас на грань вымирания, но мы сделаем выводы из произошедшего. Мы сумеем защитить себя".

Новусы защитили себя. Вокруг тех резиденций, что находились в "третьих странах", были возведены мощные фортификационные сооружения. И отряды вооруженных до зубов военных приступили к их охране. Разумеется, все эти воен-

ные не были новусами, они были наемниками-профессионалами. Несколько новых попыток напасть на резиденции закончились поголовным истреблением нападавших. То, что не позволяла сделать природа новусов, позволили их деньги.

2026 год был отмечен в истории человечества жирным черным крестом. Упала рождаемость – не везде одинаково, преимущественно в малоразвитых странах. Там, где раньше рождалось десять детей (и семь из них вскоре умирало), на свет теперь появлялся только один. С подачи немецкого социолога Иоганна Мольтке это было оценено как благоприятная тенденция – по мнению Мольтке, это должно было привести к снятию демографических проблем, связанных с перенаселенностью. Мальтузианцы всего мира, явные и скрытые, довольно потирали ручки, предвкушая скорое вымирание "низших" рас. Но радость их была недолгой: к концу года рождаемость резко снизилась по всему миру. А потом дети перестали рождаться вовсе. Последний ребенок на земле огласил мир своим криком восемнадцатого июля 2027 года.

Это еще не было смертью – всего лишь началом агонии, болезнью с иллюзорной надеждой на выздоровление. Инвестиции в медицинские исследования превысили в этом году расходы на вооружение. Кажется, большие боссы, управляющие мировыми финансами, поняли очевидную истину: если не предпринять энергичных усилий, воевать скоро будет не с кем, да и некому. Лучшие ученые мира составили единую команду. Генетики успокаивали население, внуша-

ли ему здоровый оптимизм. Много говорилось об "усталости генома" человечества, о неизвестном вирусе, поразившем репродуктивную сферу, о том, что уже почти найдено средство против тотального бесплодия и подготовлена пересадка гена, деблокирующего оплодотворение, выявленного в хромосомах сирийских хомячков. В газетах то и дело проскальзывали истерические сенсации – утверждалось, что в секретных лабораториях США женщины уже рожают всюю, что в Уральских горах создан конвейер по выращиванию младенцев в инкубаторах, контролируемый ФСБ, что найден уникальный препарат, излечивающий от бесплодия даже девяностолетних стариков, но доступен он будет только миллионерам. Как и положено, не забыли обвинить во всем новусов. В прессе постоянно муссировались слухи, что, мол, проклятые мутанты Ньюмена плодятся в своих закрытых резиденциях как кролики...

Увы, все усилия не дали ничего. И новусы в этом отношении ничем не отличались от остальных людей – дети у них перестали рождаться точно так же. Патрик Ньюмен попытался создать Руну Возрождения, провел в исследованиях и медитативных занятиях многие месяцы. Само собой, безуспешно.

К концу третьего десятилетия двадцать первого века всем стало понятно, что детей больше уже не будет. Результатом этого стал новый всплеск интереса к психовизуализации. К Ньюмену снова воззвали как к мессии: спаси человечество!

Снова миллионы фанатиков лихорадочно бросились изучать методику АПВ.

Руна Здоровья превратилась в культовый знак. Появилась даже "Церковь святых рун", лидеры которой утверждали, что люди наказаны за прегрешения, что наступил конец света, а новусы отмечены печатью свыше, и они – единственные, кто спасется. Постулаты этой религии гласили, что массовая психовизуализация во много раз увеличивает эффект воздействия, и если собрать в одном месте миллион невосприимчивых к АПВ, то они смогут всеобщими усилиями согнуть одну на всех металлическую рамку и стать, таким образом, хомо новусами. Сеанс коллективной медитации состоялся в Китае, на равнине Тяньшуй – он собрал даже не миллион, а два с половиной миллиона паломников, к тому же транслировался по всему миру в прямом эфире. Таким образом, несколько миллиардов глаз одновременно уставились на проволочную рамку, пытаясь согнуть ее. Если бы нервную энергию всех этих людей можно было превратить в энергию физическую, она расколола бы землю равнины как скорлупу грецкого ореха. Если бы среди миллионов собравшихся в Тяньшуйе оказался хоть один восприимчивый к АПВ, рамка согнулась бы в Руну Здоровья и обманула всех, создав иллюзию того, что все участвующие в сеансе стали новусами. Но не случилось даже этого. Все восприимчивые, живущие на планете, стали новусами десятилетия назад и не принимали участия в массовых психопатических акциях.

Таким образом, жизнь неумолимо и хладнокровно расставила все по своим местам. Новусы не могли теперь увеличить свою численность, но и гибель им не грозила – во всяком случае, в обозримом будущем. Всем же невосприимчивым к методике Ньюмена остался один путь – жизнь без надежды продолжить свой род. Жизнь, переходящая в старость. Старость, переходящая в смерть.

Время превратилось в неизлечимую, смертельную болезнь. Оно не спеша перемальвало людские жизни, неумолимо сокращая численность человечества. Год за годом, десятилетие за десятилетием...

Первыми вымерли слаборазвитые страны – смертность там всегда была высокой, продолжительность жизни низкой, а естественный прирост населения держался за счет высокой рождаемости. Теперь этот фактор исчез. Напротив, активизировалось все то, что способствовало быстрейшему уничтожению людей. По Латинской Америке пронесли свирепые эпидемии, Африку охватила жесточайшая засуха. Пакистан начал войну, охватившую половину Азии и едва не переросшую в ядерный конфликт. Новусам пришлось эвакуировать из бедных стран значительную часть своих резиденций и перенести их в благополучные места – благо, незаселенного пространства в Европе, Северной Америке и России становилось все больше.

Как ни странно, в развитых странах держался высокий уровень жизни. Работоспособного населения здесь было еще

достаточно, хотя средний возраст работающих давно пере-
валил за пятьдесят лет. Количество же едоков уменьшалось
с каждым годом – в результате каждому оставшемуся в жи-
вых доставалось все больше материальных благ, накоплен-
ных за века развития западной цивилизации. За три десяти-
летия, прошедшие с тех пор, как перестали рождаться дети,
изменились моральные ориентиры общества. Жизнь и здо-
ровье стали самыми значимыми ценностями. Извечное же-
лание человека ощутить выброс адреналина в кровь исчезло,
уступило место благоразумной осторожности. Авантюризм,
риск, поиски приключений канули в прошлое. Преступность
снизилась, а потом исчезла вовсе – тюрьмы опустели. Никто
уже не участвовал в автомобильных гонках, не бил друг дру-
гу морды на ринге, не пересекал бескрайние морские про-
сторы на яхтах. Более того, теперь мало кто отваживался ле-
тать на самолетах или ездить на машинах со скоростью боль-
ше шестидесяти километров в час. Рисковать своей драго-
ценнейшей жизнью? Нет уж, увольте – жить и так осталось
недолго.

В 2055 году возраст самых молодых людей на земле со-
ставлял 30-35 лет, и таких было совсем немного. Старики,
старички, старички – благополучное, спокойное, добропоря-
дочное существование в бесконечной очереди на кладбище.
Африка опустела, Латинская Америка почти вымерла. Насе-
ление земли сократилось в четыре раза. Войн не было уже
двадцать лет – те, кто хотел воевать, перебили друг друга и

никто не стал им препятствовать в этом увлекательном занятии. Промышленность преобразилась полностью, сократилась до минимума. Продуктов питания, выращиваемых по технологиям новусов, хватало всем. Никто уже не добывал природные ископаемые – нефтяные вышки торчали ржавыми заброшенными островами как память об умирающей цивилизации неразумного потребительства, рудные карьеры заполнились водой и превратились в озера. Для производства своих удивительных механизмов новусы использовали металлолом – запасов его должно было хватить на тысячу лет. Машины с могучими бензиновыми двигателями перестали существовать – их сменили тихоходные электромобили. Спешить было некуда и незачем. Гигантские мегаполисы разваливались на глазах – некому было поддерживать их существование и жить в них стало опасно. Большая часть людей сконцентрировалась в небольших городках, старающихся во всем походить на резиденции новусов.

Природа, избавленная от варварского вторжения людей, вздохнула свободно. В Европе разрастались леса; косули и бизоны безбоязненно пересекали пустые автострады Америки; воду из Рейна и Волги можно было пить безо всякой очистки. Миллионные стада антилоп и зебр снова заполнили саванны Африки, не ведая о том, что еще недавно хозяином здесь было смертельно опасное существо – человек.

Новусы получили во владение весь мир. Ценой этого приобретения стали не войны, но нечто не менее ужасное –

смерть цивилизации. Глупо было обвинять новусов в том, что они счастливы таким положением дел. Новусы скорбели вместе со всеми, заботливо ухаживали за дряхлеющим и умирающим человечеством. Они делали все, что могли, чтобы сделать конец людей как можно более безболезненным, но отменить этот конец они не могли.

В 2132 году скончался последний из тех, кто не был новусом.

История человечества не закончилась – она начала свой новый этап. Количество людей на планете уже не могло измениться. Начало изменяться их качество.

* * *

Клаус и Наташа сидели на веранде, увитой зеленым плющом, покачивались в плетеных креслах. Клаус тянул через соломинку коктейль из текилы и апельсинового сока – уже третий стакан подряд. Наташа молчала.

Сколько это может продолжаться? Полтора часа нудного качания в креслах, сопровождаемые монотонным скрипом старых рассохшихся деревяшек. Клаус знал, что Наташа не просто молчит – она мысленно связывается с кем-то, находящимся от них за тысячи километров, договаривается с ними. Решает его, Клауса, проблемы. Но раздражение все больше охватывало его. Почему он должен терпеливо торчать здесь, в доме Наташи, и изнывать от безделья? Понят-

но, почему: потому, что он неполноценный – не владеет телепатией, и должен лично присутствовать при сеансе связи, чтобы, если понадобится, вовремя ответить на пару дурацких вопросов. Ни журналчик полистать, ни в телевизор по-тарашиться. Не существует уже давно ни журналов, ни телевизоров. Десятки книг стояли на полках в соседней комнате – Клаус полистал их и с досадой поставил на место. Все книжечки были научными трудами трехсотлетней древности, ни одной художественной! Тоска! Вот новусам никогда не бывает скучно – если им нечем заняться, они с любовью обсасывают свои мыслеформы. Самосовершенствуются. Занятие, глубоко противное Клаусу Даффи. Нет у него никаких мыслеформ – у него только мысли. Несовершенные, гадкие, пошлые мысли. Залезть сейчас Наташеньке под платье. Ножи у нее замечательные. И не только ножи. Жаль, что Клаусу сегодня нужно уезжать. Сергей отчалил, Наташа осталась одна... Она точно не отказала бы Клаусу. Вряд ли Сергей вернется сюда раньше, чем через десяток лет. Самое время для Наташи найти себе нового мужика. Вот уж чем хороши новусы – тем, что постоянных супружеских пар у них не существует. Это правильно. Сотни лет видеть в своей постели одну и ту же женщину – такое сведет с ума кого угодно, даже психологически сверхстойчивого новуса.

– Наташа! – Клаус прервал молчание. – Извини, дорогуща, но я устал сидеть и ждать. Есть там какие-нибудь новости для меня?

– Есть. – Наташа потянулась, зевнула. – Извини, что заставила тебя ждать. Я задумалась... Тебя переправит Хосе Лопес. Он любезно согласился помочь. Сейчас он занят, но через три часа освободится и переправит тебя.

"Переправит"... Любят же новусы подбирать банальные слова для обозначения своих чудес. Телепатию называют "слухом", телепортацию – "переправой". Можно подумать, они все еще стесняются присущих им паранормальных качеств. Комплексуют, испытывают чувство вины перед талантливым человечеством, давным-давно отправившимся в могилу. Впрочем, суть от названия не менялась. "Переправа" представляла собою самую настоящую телепортацию – мгновенное перемещение человека на огромное расстояние. Тот, кто освоил Руну Броска, мог перемещаться сам. Более продвинутые, овладевшие Руной Полета, могли перемещать и других. Конопатый Хосе, весельчак-коротышка, был именно из таких. Насколько было известно Клаусу, Руну Броска освоили четыре пятых из ныне живущих новусов. Если бы сам он захотел освоить это умение, то, вполне вероятно, давно бы уже путешествовал по всему миру самостоятельно, без унижительных просьб переправить его в нужное место. Но... Конечно же, проклятое "но". Клаус Даффи поклялся, что никогда больше не прибегнет к психовизуализации. Хватило ему и того, что он сделался бессмертным. Как бы теперь избавиться от этого гнусного дара?

– Я попаду прямо к самому Патрику? – спросил он.

– Нет, не сразу. Вот, смотри, – Наташа расстелила на столе карту. – Патрик живет в Алтае, около Телецкого озера, вот здесь, – она показала место пальцем. – Это аномальная зона – переправа там не работает. Ближайшее селение, куда можно переправиться – одиночная резиденция Алексея Захарова, она в восьмидесяти километрах от дома Патрика. Дальше тебя отвезет Захаров.

– Как отвезет? На лошади? Восемьдесят километров по горам? Далековато забрался наш папа Ньюмен.

– Вряд ли на лошади. – Наташа улыбнулась. – Захаров – механик. Один из лучших механиков в мире. Думаю, что для тебя он найдет какой-нибудь подходящий вездеход.

– Подожди-ка, Захаров – это не тот самый Беркут, который делает планеры?

– Тот самый.

– Здорово! – восторженно воскликнул Клаус. – Поговорить с Патриком, да еще и с Беркутом познакомиться! Как ты думаешь, он позволит мне полетать на своем планере?

– Не уверена. Для тебя это небезопасно, потому что ты не владеешь Руной Броска. Если с планером что-то случится, ты не сможешь спастись и погибнешь. Тебе не стоит заниматься такими опасными вещами, как полеты на планере.

Ну да, конечно! Самая большая ценность для новусов – это их жизнь. Никакого неоправданного риска! Руна Броска – отличная страховка, можно мгновенно телепортироваться из любого опасного места, в том числе и многокилометровой

высоты, в место безопасное. А вот тупица Клаус таким умением не владеет.

– Я буду летать на планере, – уверенно сказал Клаус Даффи. – А если свалюсь на землю и угроблюсь насмерть – что ж, в этом случае буду считать, что мне повезло вдвойне.

– Что, тебе настолько надоело жить? – Наташа прищурилась – не удивленно, скорее саркастично, может быть, даже слегка надменно.

– Надоело, – буркнул Клаус. – Надоело все до смерти.

* * *

– Привет, – сказал Хосе. – Решил проветриться, приятель?

– Ага. – Клаус улыбался до ушей, пожимая руку веснушчатому лысоватому крепышу. – Полетаю на планере над Алтайскими горами, а потом и Патрика повидею. Самого Патрика. Может быть, он даст мне пару дельных советов.

– Незачем для этого плюхать в такую далищу, – заявил Хосе. – Обратись ко мне. Я подскажу, что тебе, придурку этакому, делать. Тебе надо меньше квасить текилу, перестать жрать мясо и не валяться кверху пузом все дни напролет. И заняться, наконец, изучением рун...

– Знаю, – раздраженно перебил его Клаус. – Эту нудятину я уже слышал миллион раз.

Хосе Лопес был отличным парнем – может быть, самым

лучшим в Кальпе. Клаус любил потрепаться с ним вечерком, пропустить стаканчик-другой, покачиваясь в гамаке, любуясь оранжевым солнцем, медленно опускающимся в море, любил сыграть с Лопесом партияку в покер – ночью, при свете лампы с шелковым зеленым абажуром. С Хосе он забывал о своей бесконечной старости-молодости, о том, что уже никогда не просидит всю ночь в Интернете, рубясь в "Diablo", никогда не заскочит в Макдональдс, чтобы купить себе вредный, напичканный жирами и свининой гамбургер, и не сожрет его, обмазавшись кетчупом, и не запьет ледяной Колой, никогда не будет сидеть в прохладном кинозале, одной рукой кидая в рот невесомые катышки поп-корна, а другой глядя голую коленку девчонки по имени... какая разница, какие имена были у тех девчонок? Он забыл их имена, с облегчением забыл бы и их коленки, да вот не мог забыть. Клаус с удовольствием изучил бы Руну Дебильности, если бы таковая существовала, и стал бы идиотом, не помнящим ни плохого, ни хорошего. Он освоил бы Руну Смерти, если бы кто-нибудь удосужился такую придумать, и покончил бы со своим бессмысленным существованием на прекрасной Земле. Он пытался перерезать себе вены раз пять – полосовал острым ножом по предплечьям и ложился в теплую ванну. Бесполезно... Проклятый организм устранял дефект кожи слишком быстро – гораздо быстрее, чем Клаус успевал вырубиться. Спрыгнуть со скалы – башкой о камни вдребезги? Повеситься? Нет, для этого Клаус был слишком слаб. Наверное, по-

тому он и резал вены – потому что подсознательно ощущал, что это не повредит ему, не доведет до настоящей гибели. Эрзац, дешевый заменитель недостижимой, желанной смерти, драматический спектакль одного актера для единственного зрителя...

Хосе подошел к Клаусу, положил широкую ладонь на его плечо.

– Жаль мне тебя, Клаус, – сказал он. – Жаль. Чего ты ждешь? На что надеешься? На то, что Патрик предложит тебе какой-нибудь компромисс? Мечтаешь, что он придумает для тебя лазейку, позволяющую оставаться бессмертным, не подыхать при этом от скуки и в то же время не заниматься АПВ? Так не получится. Просто не получится.

– У меня нет выбора, – зло сказал Даффи. – В этом чертовом мире у меня только один путь – стать полноценным новусом и заниматься вашей гнусной психовизуализацией. Это несправедливо. Вы декларируете безграничную свободу для каждого. Почему же нет свободы для меня?

– Ты свободен. Не хочешь заниматься АПВ – и не занимаешься. Только свобода тут не при чем. Для новуса заниматься АПВ так же естественно и необходимо, как дышать. Ты же не бесишься по поводу того, что какая-то сволочь заставляет тебя вдыхать и выдыхать воздух – знай себе посапываешь носиком и не думаешь об этом. Так же и с визуализацией – это естественно, это нужно для нормального существования новуса. Ты лишаешь себя важнейшего компонен-

та, делающего жизнь полноценной, и удивляешься, почему тебя сводит с ума депрессия. Тебе видней... Но я думаю, что выводы здесь просты и совершенно очевидны.

– Все я знаю, – проворчал Клаус. – Все вы здесь, в Кальпе, вздохнете свободно, когда я свалю отсюда.

– Пожалуй, так, – Хосе поскреб в макушке. – Ты интересный человек, Клаус. Лично я к тебе очень даже хорошо отношусь. Но твое поедание кроликов... Это невыносимо. Ты не думаешь о нас, всех остальных жителей резиденции. Ты не слышишь нас, тебе глубоко плевать на всех. А мы слышим тебя, черт подери! Каждый раз, когда ты убиваешь несчастное животное, все мы вздрагиваем от боли! Когда ты, чертов мясоед, обгладываешь косточки, всех нас тошнит! А мы ничего не можем сделать с этим, мы просто терпим. И ты еще говоришь о личной свободе... В этой резиденции ты самый свободный, а мы – пленники твоего необузданного стремления к удовольствиям.

– Все, хватит, – оборвал его Клаус. – Давай, переправляй меня! Зафутболь меня к Беркуту!

– Не обижайся, Клаус, но...

– Я же сказал – переправляй! Включай свою адскую машинку!

– Счастливого пути, – сказал Хосе. – Если надумаешь вернуться – добро пожаловать в Кальпе.

Врал он, конечно, этот конопатый Хосе. Всегда они врут – мягкосердечные и улыбочивые нелюди.

Высокий поджарый человек стоял метрах в пяти от Клауса и рассматривал его, опираясь на длинноствольное ружье. Он не делал ни малейшей попытки улыбнуться или хоть как-то выразить свою доброжелательность, непременную для всякого новуса. Он даже не здоровался – просто молчал.

– Алексей? – спросил Клаус. – Это ты?

– Беркут, – сказал человек. – Алексеем звали другого человека. Я плохо помню его. Когда-то он был мной, но он умер столетия назад. Я – Беркут. Пойдет?

– Пойдет.

Клаус протянул руку, Беркут сжал его узкую кисть мощно, безо всякого снисхождения, так, что хрустнули кости. Клаус взвыл от боли.

– Эй, медведь русский, ты что, сдурел? Ты что, не новус?!

– Новус.

– А как насчет воздержания от зла ко всем живым существам? Ты ведь мне чуть руку не сломал! И ты знал о том, что мне будет больно!

– Знал, – согласился Беркут. Усмешка появилась на его загорелом, морщинистом лице. – Хотел слегка встряхнуть тебя. Немного боли для встряски не помешает никому, даже недоразвитому новусу.

– Что у тебя с физиономией?

– Лицо как лицо, – ответил Беркут. – Что тебя удивляет?

– Морщины. Триста лет не видел на лицах морщин. Ты выглядишь чуть ли не старым – лет на пятьдесят. Как тебе это удастся?

– Стараюсь, – таинственно сказал Беркут.

– Меня научишь? Хочу обзавестись парой морщин. И старческой импотенцией. Надоела мне вечная сексуальная озабоченность.

– Не научу. Ты не хочешь ничему учиться. – Беркут закинул ружье на плечо, повернулся спиной к Клаусу. – Пойдем.

– Куда?

– В мою хибару.

– Эй! – выкрикнул Клаус, едва поспевая за размашисто шагающим по тропинке Беркутом, – Откуда у тебя ружье?

– Сделал, – бросил, не оборачиваясь, Беркут. – Сам сделал. Я все делаю сам. Не доверяю никому. Люди разучились работать руками, производят всякую дрянь.

– И что, ты стреляешь из этого ружья?

– Нет, я ковыряю им в носу.

– Ты стреляешь из него в животных? Как ты можешь? Это же убийство!

– Здесь много опасных зверей. Они не против пообедать мной. Но я сильнее. Я сам ем их.

– Ешь?! – Клаус опешил, удивился настолько, что встал как вкопанный. – Ты ешь мясо?!

– Что в этом удивительного? – Беркут тоже остановился,

наконец-то соизволил повернуться. – Ты, к примеру, всю ешь кроликов, Клаус Даффи или как тебя там. Почему мне нельзя?

– Но ты же занимаешься АПВ!

– Занимаюсь.

– И?..

– Необходимость вегетарианства – это миф, – сказал Беркут. – Новусы обвешаны мифами как рождественская елка – игрушками. Я не обращаю внимания на мифы, традиции, обряды и прочую мишуру – предпочитаю достоверную информацию. Я живу так, как хочу. Хочу есть мясо – и ем его. На качестве психовизуализации это не сказывается никак. Вот так-то.

Беркут продолжил свой путь, а Клаус поплюхал за ним. После пятого километра по горной тропке, едва обозначенной в высокой летней траве, у Клауса заныли ноги. Жарило солнце, слепни пикировали на разгоряченную кожу как маленькие злые штурмовики. Клаус уже собрался возмутиться, потребовать остановки и отдыха, как вдруг из-за поворота, заслоненного серой обветренной скалой, открылся вид вниз на долину, и дыхание его перехватило от восторга.

– Это моя хибара, – сказал Захаров. – Жилище, конечно, не городское, не такое, как у вас там в Испании, но мне вполне подходит.

– Здорово! – только и сумел вымолвить Клаус.

До усадьбы Алексея Захарова было около полукилометра,

и Клаус мог рассмотреть ее сверху во всех подробностях. По периметру большого участка шел частокол из высоких заостренных бревен – совсем как в фортах дикого запада, о которых Клаус читал в детстве. "Хибара" представляла собой двухэтажный бревенчатый дом – приземистый и основательный. Площадь, на которой расселся этот огромный деревянный муравейник, занимала, наверное, не менее трех сотен квадратных метров. Топорная упрощенность соснового сруба с лихвой компенсировалась всякими украшениями – высокой крышей со скатами, покрытыми металлическими чешуями, башенками с флюгерами в виде петухов, деревянными ротондами и эркерами, приделанными к дому вроде бы невпопад, но чрезвычайно мило. Общую картину дополняли широкие кружевные наличники на окнах и пара наружных лестниц, наискось пересекающих стены и ведущих на второй этаж.

Остальное пространство усадьбы, площадью около пары гектаров, было занято теплицами и открытыми посадками растений, имеющими вид вполне типичный для плантаций новосов. Задней стеной частокол соседствовал с красивым озером – гладким и спокойным, зеркально отражающим синеву неба. Невдалеке высились три ветряка электростанции – изящные, ажурные, неторопливо вращающие лопастями.

Клаус никогда прежде не был в России, русские деревянные дома видел только на картинках. Поэтому экзотичный терем Беркута произвел на него неизгладимое впечатление.

– Этот высокий забор – от медведей, да? – спросил он.

– От них тоже. Но не только от них. Тут знаешь какие кабаны-секачи по тайге бродят – медведя завалят. Им волю дай – все мои плантации в два дня перероют. Тигры в последние десять лет начали встречаться – судя по всему, от Амура досюда добрались. Много тут всякой живности. Без ограды – никак.

– А дом почему у тебя такой большой? Там много народу живет?

– Много. Я да три моих собаки.

– Зачем же такой огромный домище?

– Так удобнее, – пояснил Захаров. – У меня все там – и мастерская, и склады, и гараж, и баня. Зимы здесь долгие, холодные, снегу наметает много. Если по отдельности все эти строения поставить, то дороги в снегу между ними замучишься копать. Иной раз в пургу так заметет, что без лопаты не выйдешь.

– А бассейн у тебя есть?

– Вон он, бассейн, – Беркут ткнул пальцем в озеро. – Плавай, сколько влезет, крокодилов не водится. Вода чистая.

– А зимой? В проруби купаешься?

– Еще чего! – Беркут зябко передернул плечами. – В январе здесь минус тридцать, а то и сорок, лед-то и не продолжишь! В баньке как следует разогреешься, да в сугроб нырком. А раз-два в месяц позволяю себе переправиться на Гавайи – ненадолго, на пару деньков. У меня там много друзей

живет. Не был на Гавайях?

– Не был, – сказал Клаус. – Далеко дотуда, сам я переправляться не умею, а других просить – как-то неудобно. Вот и торчу я по сто лет на каждом месте. За триста лет всего три резиденции сменил. Тоска...

– Глупый ты, Клаус, хоть и триста лет прожил, – снисходительно заявил Алексей. – Место жительства можно менять хоть каждую неделю, только веселее от этого не станет. Интерес к жизни, он здесь сидит. – Он постучал пальцем по голове. – В мозгах тебе нужен порядок навести. Чем ты занимаешься – бездельем? От этого не то что за столетия, за месяц от скуки свихнуться можно.

– Да кто ты такой, чтоб мне указывать! – огрызнулся Клаус. – Тоже мне, учитель нашелся! Мужлан неотесанный! Твое место – сидеть в тайге и не показываться в приличном обществе...

– Это кто это у нас тут приличный? – ехидно поинтересовался Беркут. – Ты что ли, Клаус Даффи, зайцеед, раскапыватель погребов с археологической выпивкой? Ты не смотри, что я прост в обращении – у меня, друг мой, три высших образования: два технических и одно юридическое. От последнего, правда, сейчас никакого толка, а вот первые два до сих пор небесполезны. Да, я не живу в городе, я предпочитаю одиночество. Но это мое личное дело. Новусы, которые живут в больших резиденциях, слишком много суетятся. Я их не люблю.

– Ты же должен любить всех! Так гласят догмы учения Патрика Ньюмена.

– Никому и ничего я не должен, – сказал Беркут. – Понял? Это мне все должны. Я делаю машины, которые эти жуки-мягкотелки сами не в состоянии произвести. Все ударились в совершенствование человеческого сознания, а вот копаться в технике считается чем-то неприличным. Ну и ладно – я занимаюсь тем, что доставляет мне удовлетворение, а на мнение остальных мне, честно говоря, наплевать. Когда-то, еще при существовании обычных людей, я зарабатывал по несколько миллионов в год на продаже одних только электротракторов. А теперь я отдаю эти машины бесплатно, потому что денег в мире давно не существует. Пусть люди пользуются моими машинами, мне не жалко. Я ем мясо, потому что оно мне нравится. Ем много мяса, и тебя им угощу. Я проживу миллион лет на этом месте, и мне никогда не будет скучно, потому что у меня есть моя мастерская, мои станки и вездеходы, мои планеры, поднимающие меня в небо, есть мои плантации, мои облака, моя дикая природа. Я наблюдаю природу, понял? И я на даже на полмизинца не приблизился к тому, чтобы понять ту красоту, что меня окружает. Но я сделаю это – мне некуда спешить, у меня впереди вечность. Я ценю эту вечность, в отличие от тебя. Я знаю, что жизнь моя не бессмысленна. Я люблю эту жизнь.

– Ты – не новус, – убежденно сказал Клаус. – Ты не такой как все.

– Я – новус, – Беркут ослабился, показав длинные неровные зубы. – Больше того, я – новус из новусов. Я овладел всеми известными рунами, и изобрел парочку новых. О них знают уже многие, но я не уверен, что остальные доросли до того, чтобы научиться ими пользоваться. Впрочем... лет через пятьдесят дорастут. Я отдам им эти руны, я не жадный.

– Новусы не такие как ты. Они занудные. Они чересчур правильные.

– Ничего ты не знаешь, Клаус. Мы, новусы – всякие. Мы какие угодно. Каждый из нас имеет свой характер, свою индивидуальность, свою судьбу. Мы – люди, Клаус. Мы просто люди.

– Я триста лет живу среди новусов. Я отлично знаю этих вежливых чистюль.

– Ты не знаешь нас вовсе. Ты не слышишь нас. Большая часть того, что мы хотим сказать, не произносится вслух. Язык людей изменился, стал совсем другим, но ты не хочешь слышать этого. Ты замазал свои уши воском и предпочитаешь ходить полуглухим. Тебе нравится играть тупого обиженного мальчика. Сколько ты еще сможешь выдержать эту роль?

– Ну, и что же мне делать, великий умник Беркут? – спросил Клаус. – Может, посоветуешь что-нибудь дельное?

– Найди свое место. Думаешь, у меня никаких проблем нет и не было? Как бы не так! Я метался по всей планете, ненавидел людей, психовал, уходил в запой, даже подумы-

вал о самоубийстве. – Беркут тяжело вздохнул, покачал головой. – Всякое бывало... Много лет прошло, пока я не убедился, что в этом мире может реализовать себя каждый, в том числе и закоренелый индивидуалист-одиночка. Если тебе неприятно жить в обществе новусов, уйди от них. Построй свою личную резиденцию, такую как эту, – Захаров махнул рукой, показывая на свои владения. – Обратись за помощью к людям, тебе помогут со строительством. Я сам тебе помогу.

– Покажи мне свой дом, – сказал Клаус. – Покажи мне все. Я хочу посмотреть. Хочу подумать.

* * *

Клаус и Беркут стояли на горном склоне, над крутым обрывом. Оба они были одеты в теплые непродуваемые куртки. Голову Клауса, кроме того, украшал круглый шлем. Беркут заявил, что самому ему шлем не нужен – мол он, если что, всегда сумеет "переправиться".

То, что Алексей называл планером, лежало рядом на скалистой площадке. На планер, как его представлял себе Клаус, это никак не походило. Это не было похоже вообще ни на что, предназначенное для полета – непонятный длинный куль, обтянутый брезентом, с лямками для того, чтобы нести его на спине.

Здесь, почти на километровой высоте, дул постоянный ве-

тер – не холодный, но сильный. Беркут послунял палец, определяя направление атмосферных потоков.

– Отлично, – сказал он, – самое то. Отнесет нас в сторону моей избушки – меньше будет потом пешком топать. В одиночку я люблю полетать против ветра, но вдвоем с пассажиром – тяжело.

– А мы как будем, – поинтересовался Клаус, – сидеть или висеть?

– Мы будем летать. – С этими словами Беркут поставил на попа свой куль и располовинил его застежкой-"молнией" сверху донизу. – Ты высоты не боишься?

– Не боюсь, – сказал Клаус, озадаченно наблюдая за конструкцией, со щелчками расправляющейся в руках Алексея. – Когда-то я даже летал на параплане – давно, когда люди еще не вымерли. Параплан – это такой парашют...

– Знаю я, что такое параплан, – ворчливо заявил Беркут. – Парапланы, дельтапланы – это не то, это как костыли для ходьбы. Если хочешь научиться ходить по-настоящему, выбрасывай в мусор костыли и начинай ковылять собственными ногами. А если уж решил летать, то что тебе нужно?

– Крылья! – выдохнул Клаус потрясенно, не веря своим глазам.

– Вот именно, – Беркут удовлетворенно, даже с любовью, поглаживал черные кожистые перепонки, натянутые между многометровыми титановыми спицами. – Почему-то прочие называют это планером – наверное, не могут поверить в то,

что кто-то из людей научился не просто планировать, а именно летать. А по мне – крылья, они и есть крылья.

– А почему они как у летучей мыши, а не как у птицы?

– Это летние, для сухой погоды. На них летать попроще, но только медленно, и дождя они не переносят. А так-то у меня и птички есть – не с перьями, конечно, но со специальным покрытием. Есть орлиные, есть альбатросы для долгого аэропланирования, есть быстрые, голубиные. Здорово, правда? Птицы могут позавидовать мне – у них крылья одни на всю жизнь, а у меня сменные, полный ассортимент: какие хочу, такие и использую.

– А вот колибри умеют зависать в воздухе, а также летать задом наперед, – заявил Клаус. – Ты такие крылышки еще для себя не сделал?

– Такие не будут функционировать, – уверенно заявил Алексей. – У них восьмеркообразная траектория движения крыла, и частота взмахов – от восьми до восьмидесяти в секунду. Не получится из меня колибри, да и ни к чему это.

– И как же ты летаешь?

– А очень просто – сейчас увидишь. Знай себе культяпками машу, хвостом подруливаю, клювом пощелкиваю да каркаю как ворона...

– Не пудри мне мозги, – сказал Клаус. – Махать с такой частотой, как птица, ты не сможешь. И подъемной силы этих крыльев никак не хватит на такую тушу, как у тебя. Страусы, как известно, не летают.

– Ну, допустим так, – Беркут склонил голову, хитро прищурил глаза. – И что из этого?

– Руна. Ты наверняка придумал руны – одну из тех, которые ты не хочешь отдавать прочим новусам. Она делает тебя, предположим, невесомым. А крылья нужны тебе для маневрирования в воздухе, это всего лишь дополнительное оборудование, как ласты у подводных ныряльщиков.

– Ты удивительно догадлив, друг мой, – сказал Беркут. – Ставлю тебе пятерку за сообразительность. К сожалению, Роб Бракен, придумавший телепорт, застолбил название "Руна Полета" раньше меня. Не по делу, прямо таки скажем, он это название употребил. Ну да ладно, я выкрутился. Угадай, как я назвал свое детище?

– Руна Беркута, – произнес Клаус, нисколько не сомневаясь.

– В самую точку! – удовлетворенно крикнул Захаров.

– Хорошо звучит. Простенько, но со вкусом.

– Еще бы!

– Ну что, полетели? Мне тоже крылья положены?

– Тебе – нет. Что ты с ними делать будешь?

– А как же я тогда?

– Пассажиром полетишь. Поташу тебя в могучих когтях, как горный орел – барана.

– А если надоем – бросишь?

– Зачем же? Орлы, как известно – умные птицы. Хорошими баранами не разбрасываются.

– Ты кого-нибудь уже катал так?

– Конечно, и не раз. Ко мне заглядывают друзья и подружки со всех концов света. Любят они попорхать под облаками – с визгом, с воплями. Восторгу нет предела.

– А мясом ты их угощаешь? – Клаус сглотнул слюну, вспомнив отменнейший копченый окорок из медвежатины.

– Некоторых угощаю. А что тут такого? – Захаров пожал плечами. – В Сибири почти все новусы едят мясо. И в Канаде тоже, насколько я слышал.

– А Патрик... Он тоже... Тоже ест?

– Патрик мяса не ест, – отрезал Беркут.

– Ты его лично знаешь?

– Знаю. – Беркут усмехнулся. – Как же его не знать – мы ведь соседи. Всех, кого он принимает, я к нему на вездеходе отвожу. Переправа у него в резиденции не работает. Аномалия там...

– Ну и как он? Что за человек?

– Хороший он человек, – сказал Беркут. – Вот такой человек.

И показал большой палец.

– А почему же он остальных новусов чурается, живет в такой дали отшельником? Аномальную зону себе выбрал, чтоб добраться до него тяжелее было. Так же не любит остальных людей, как ты? Ему-то, вроде бы положено любить всех поголовно.

– Ты Патрика не трожь, – тяжеловесно сказал Захаров. –

И инсинуации свои гнусные оставь, понял? А то я тебе собственными руками таких затрещин надаю, что мало не покажется.

– Понял, – быстро произнес Клаус. – А ты катал его, Патрика? В смысле, на крыльях.

– Его – нет. Патрика ни к чему катать.

– Почему?

– Смотри туда, – палец Захарова показал в небо. – Видишь, большая птица летает? Породу угадаешь?

– Гигантский хищный какаду, – сказал Клаус.

– Сам ты какаду. Это Патрик. Патрик Ньюмен собственной персоной. Он знает все руны, в том числе и мои. Он умеет летать. Крылья ему делал я.

– Так что, он видит нас сейчас?

– Само собой. Он наблюдает за нами. Точнее, за тобой. За мной ему наблюдать неинтересно – он и так все про меня знает. Он слушает наш разговор.

– Так почему бы ему не спуститься к нам сюда прямо сейчас, не поговорить?

– Если не спускается, значит так нужно. Значит, время еще не пришло.

– А когда оно придет?

– Надоел ты мне своими вопросами, – заявил Беркут. – Пожалуй, я тебя все-таки уроню. Нечаянно. Патрик мне это простит.

Восторг – не то слово. Не существовало в человеческом языке слов, чтобы выразить то, что чувствовал Клаус Даффи, когда со свистом рассекал плотный воздух, взмывал в призрачный туман облаков, пикировал до самой земли и снова возносился вверх в теплых восходящих потоках. Он хохотал, он взвизгивал, он выкрикивал неприличные слова. Он пел.

Беркут молчал – знай себе работал крыльями, закладывая головокружительные виражи и пируэты. Беркут молчал, но Клаус догадывался, что адреналиновая эйфория распирает и его – телепат-новус пил радостные эмоции Клауса как самое изысканное вино. Алексей Захаров подпитывался сейчас положительной энергией Клауса, но Клаусу не жаль было поделиться радостью. Будь его воля, он оделил бы своим удовольствием всех людей в мире, и хватило бы на всех. Обидно, что остальное человечество не дожило до такого. Обидно... Бедные сапиенсы...

Беркут парил как птица. Клаус Даффи болтался снизу от него, сидя в люльке, сплетенной из прочных ремней и подвешенной к поясу Беркута. Клаус не боялся упасть. Он не боялся вообще ничего, потому что его нес по воздуху лучший из новусов этого мира, человек, крепкий как скала – Алексей Захаров, предпочитающий называть себя Беркутом.

Синие горы, изрезанные глубокими темными морщина-

ми, увенчанные ослепительно белыми шапками снегов. Зеленые, ровные, кажущиеся сверху замшевыми луга и долины. Извилистые голубые змейки рек. Колышущиеся верхушки елей, пихт и сосен...

"Боже, спасибо тебе, – благодарно шептал Клаус. – Спасибо за то, что ты создал эту землю, и эти горы, и этот лес, и не убил их, как убил нас, людей. Смилуйся над теми, кто остался, и дай им шанс. Пожалуйста, ну чего тебе стоит?"

Лось, вышедший на опушку, поднял рогатую голову и удивленно уставился на огромную летучую мышь, порхающую в небе.

* * *

– Эй, прекрати немедленно, садист! – взвизгнул Клаус. – Ты с меня кожу сдерешь!

– Ничего, новая вырастет, – заявил Алексей, продолжая охаживать веничком несчастную спину Клауса. – Ты же у нас новус. Руну Здоровья ты освоил. Значит, заживет.

Клаус завыл зверем, спрыгнул с полки, вылетел из парилки, едва не вышибив дверь, и в изнеможении свалился в огромный чан с холодной водой. Клаус долго остужал пылающие уши, разглядывал пузыри воздуха, выползающие из его рта и поднимающиеся к поверхности. Наконец, он решил, что достаточно – вынырнул и обнаружил рядом Беркута, завернутого в простыню, развалившегося на лавке и

очень довольного жизнью.

– Слабоват ты, дружок Клаус, – заметил Беркут, – Изнежился у себя в Испании. Жаль, что ты приехал не зимой – я бы тебя еще голым по снежку прогнал. Очень хорошо поднимает жизненный тонус.

– Вы, русские – дикари, – фыркнул Клаус. – И способы развлечения у вас – варварские.

– Это точно... – Беркут потянулся к холодильнику, достал запотевшую бутылку, отвинтил пробку. – Хлебнешь?

– Что это? Пиво?

– Квас.

– Какая-нибудь очередная русская мерзость?

– Ага. Попробуй.

Клаус пил прямо из горлышка и никак не мог оторваться от бутылки, захлебывался от наслаждения. Кадык его ходил вверх и вниз, светло-коричневая жидкость текла по шее и груди.

– Эй, хватит, оставь мне. – Беркут отнял бутылку, приложился сам. – Ох, хорош квасок, ядрен! Хочешь, научу, как его делать?

– Хочу.

– А еще чего ты хочешь?

– Хочу остаться у тебя, – признался Клаус. – Я... Ну как это сказать... – Он вдруг засмутился, покраснел бы даже, если бы его распаренная багровая кожа могла покраснеть еще больше. – Ты не подумай какую-нибудь глупость...

– Мне не свойственно думать глупости. Ну, чего ты? Давай, говори.

– В общем, мне кажется, я нашел свое место. Место, в котором хотел бы жить. Ты же говорил, что я должен найти свое место в этом мире... Так вот, это место здесь.

– В этой бане? В этом чане с водой?

– В Сибири. На Алтае. В этом доме.

– Вот оно как... – задумчиво протянул Беркут. – Значит, здесь твое место. Скажи еще, что ты хочешь быть моим другом.

– Хочу быть твоим другом.

– Понятно... А еще, наверное, ты хочешь, чтобы я стал твоим учителем...

– В каком смысле? – Клауса вдруг бросило в холод. Пересидел, наверное, лишку в ледяной водице.

– Как в каком? В самом прямом.

– Научишь меня собирать свои машины?

– Ну, это слишком просто! – Беркут хохотнул. – В железках копать и коза сможет, если ей копыта на пальцы переделать. Выше бери.

– Подожди. – Клаус сжал губы, упрямо мотнул головой. – Не надо об этом, Беркут, не порть все. Все было так хорошо...

– Что было хорошо? – Беркут поднялся во весь рост, навис над чаном, глаза его метнули серые молнии. – На дармовых харчах тебе хорошо? Беркут накормил тебя, напоил, в баньке

попарил... Полетал с тобой, прокатил над горами и лесами! Славный мужик Алексей Захаров! Ждешь, что и дальше я буду тебя ублажать задаром?!

– Почему же задаром? – Клаус съежился, почувствовал, насколько он гол и слаб. – Я все отработаю. Буду дрова рубить, еду готовить, на ферме работать. Все делать буду! Я умею работать. Я научусь...

– Если бы мне нужен был работник, я построил бы себе два десятка роботов, – холодно сказал Беркут. – Пару лет назад я даже слепил себе механического голема, а через неделю разбил его ломом – достал он меня своей тупой услужливостью. Ты хочешь быть моим другом? М-м-м... А почему бы и нет? Вполне возможно. Только для этого ты должен кое-что сделать.

Клаус вылез из чана, стыдливо прикрываясь рукой, добрался до простыни, висевшей на стене, и обмотался ей. Поплелся прочь из бани. Его босые ноги шлепали по полу и оставляли на некрашенных досках влажные следы.

– Эй, ты куда? – крикнул Беркут. – Это как-то невежливо, знаешь ли! И где же твоя здоровая пытливость ума? Ты что, не хочешь узнать, что мне от тебя нужно?

Клаус остановился, обернулся, придерживая рукой сползающую простыню.

– Знаю я, что тебе нужно. Оказывается, ты такой же как все, Беркут. Такой же. Всем вам нужно от меня одно и то же. Мою душу – вот что вы хотите.

– Душу? – Беркут усмехнулся. – Интересная мысль. А ты уверен, что у тебя есть душа, Клаус Даффи?

– Уверен.

– У тебя есть какие-нибудь доказательства этого?

– Отвяжись, проклятый новус! – взревел Клаус, скривившись от злости. – Ты обманул меня, притворившись нормальным человеком! У вас, новусов, нет душ! А у меня душа есть, и никакие доказательства мне не нужны! Я просто знаю это и все!!!

– А ты, парень, похоже, того... – Захаров озадаченно покрутил пальцем в виске. – Подожди, куда ты пошел, не договорили еще...

Клаус не слушал его. Он пулей вылетел из бани и побежал по лестнице на второй этаж.

* * *

– Я хочу встретиться с Патриком Ньюменом, – упрямо, уже в десятый раз за день, повторил Клаус. – Не понимаю, почему ты меня здесь держишь. Уже неделю я торчу в этой дыре, Патрик шастает где-то рядом, а к себе меня не пускает. Вы сговорились с ним, да? Вы издеваетесь надо мной! Не имеете права! В этом мире все люди свободны!

– Ты не человек, – сказал Беркут.

– Что?! Что ты сказал?! – Клаус в бешенстве вскочил на ноги. – Повтори, мерзавец!!!

– Ты не человек, – повторил Беркут. – И поэтому на тебя распространяются далеко не все права.

– Почему это я не человек? – ноги Клауса вдруг стали ватными, он плюхнулся на стул и обессиленно откинулся на спинку. – Я – человек! У меня есть душа. Я в большей степени человек, чем все вы. В большей...

– Ты бы признал полноценным человеком неандертальца? – невозмутимо спросил Беркут. – Или больше того – питекантропа? Мохнатую полуобезьяну с дубиной в корявой руке – олигофрена с непредсказуемым поведением?

– Но я же не питекантроп. Я даже не *Homo sapiens*. Я – *Homo novus*, я того же вида, что и все вы...

– Тем хуже для тебя. Стало быть, ты – человек, упорно отказывающийся вести человеческий образ жизни. Ты гадишь под себя, лазаешь по деревьям и не хочешь разговаривать на полноценном языке. При этом ты желаешь пользоваться всеми благами, которые производим мы, новусы, благодаря нашим умениям. Мало того, ты презираешь нас. Ты считаешь нас чем-то вроде хорошо отлаженных механизмов. Ты оставил право на обладание человеческой душой себе одному, единственному и любимому.

– У новусов нет душ!

– Да что ты заладил как попугай: "Нет душ, нет душ!" Какие доказательства тому, что души у нас есть, нужно тебе привести? Фотографию души в фас и профиль? Справку, заверенную нотариусом? Возьми в качестве доказательства

меня – неужели я произвожу впечатление бездушного человека?

– Ты обманывал меня. Ты специально разыграл этот спектакль – изобразил из себя настоящего человека, эмоционального и душевного, чтобы купить меня с потрохами. Ты хороший артист, Беркут. Для тебя это было несложно, тем более, ты прекрасно знал, что я хотел бы увидеть. Но я раскусил тебя: ты такой же как все. Как только ты заявил, что я обязан заниматься АПВ, я понял, что вся твоя человечность – напускная.

– Я не заявлял такого...

– Но хотел заявить!

– Пожалуй, так, – согласился Беркут, помолчав с полминуты. – По моему мнению, ты должен заняться психовизуализацией, и чем быстрее, чем лучше для самого тебя.

– Нет!!! – Клаус шарахнул кулаком по столу. – Вот тут вы слабы! Вы не можете заставить меня заниматься этой гадостью насильно! И поэтому я навсегда останусь самим собой. Останусь человеком! Хотя моя участь страшна – жизнь единственного человека в мире холодных бездушных монстров...

– Если бы ты не был новусом, я заподозрил бы, что ты – психобольной, – сказал Беркут. – Но поскольку ты новус, и, стало быть, не можешь страдать никакими болезнями, я прихожу к выводу, что в твоей не слишком умной голове произошел какой-то логический сбой. Ты подчинил свои мысли

и всю свою жизнь некой навязчивой идее. Идее, которая не позволяет тебе заниматься АПВ. Откуда это внутреннее табу, Клаус? Что это – отголоски какой-то религии? Ты религиозен, Клаус? Если это так, то это объясняет многое.

– Это тебя не касается, – буркнул Клаус. – Тоже мне, психотерапевт нашелся! Я хотел поговорить с Патриком, именно с ним. Он может мне помочь – и только он. А вместо него мне подсунули тебя. Но ты не психолог, ты техник! А я не позволю копаться в моих переживаниях при помощи отвертки и гаечного ключа!

– Ладно, будем считать, что ты меня убедил, – Беркут поднялся на ноги, потянулся. – Позволь напоследок рассказать тебе одну притчу.

– Не надо мне никаких притч!

– Надо, надо. Слушай, Клаус. – Беркут пошел по комнате, заложив руки за спину. Он напоминал пожилого учителя, вышагивающего перед классной доской. – Жил был один человек, весьма религиозный. Он старательно соблюдал все правила, предписанные религией, и, само собой, надеялся, что попадет за это в рай. Так оно и случилось. Очутился этот человек в раю и велико возрадовался. В самом деле, радоваться было чему – великолепная природа, красивые дома, никакой преступности и даже агрессии. Все, что ему теперь приходилось делать – это существовать спокойно и благополучно. Правда, люди, которые окружали этого человека в раю, весьма удивляли его. Он предполагал, что они обязаны

соблюдать множество непрременных обрядов – тех, что соблюдал всю жизнь он сам. А они просто жили. Не строились пять раз в день на молитву, не пели псалмов, не ходили в церковь. Люди, живущие в раю, оказались весьма раскованными в личной жизни – они охотно предавались плотским радостям, и, похоже, позволяли себе все, что угодно. Уточню – все, что не мешало жить окружающим и не ущемляло их свободу. Люди эти ежедневно трудились, и создавали своими руками все то изобилие, что присутствовало в их жизни. Никто свыше не снабжал их бесплатными благами.

Наш герой воспринял такой образ жизни с большим трудом. Он никак не мог поверить в то, что можно совершать запрещенные его религией поступки и не нести за это никакого наказания. Люди рая оказались радушными – они охотно общались с этим человеком, приглашали его в гости, угощали его вкусной едой и хорошим вином. И поначалу он принимал эти приглашения весьма охотно. Он даже пытался убедить себя в том, что ему это нравится. Он пил коньяк, играл в карты, загорал нагишом у моря, занимался любовью с хорошенькими девушками, много путешествовал... И при этом его ни на секунду не оставляло чувство вины.

– Ну, и что еще такого ты обо мне расскажешь? – саркастично спросил Клаус. – Что однажды я попросился на аудиенцию к Богу, и мне в этом отказали?

– Нет. Совсем не так. Бог не жил в этом раю, и никто из обитателей не тревожил его имя без лишнего повода. Я не

буду говорить о Боге – продолжу рассказ о человеке. Итак, через некоторое время те стереотипы, что были вбиты в голову нашего героя за время земной жизни, взяли над ним верх. И он решил, что все люди, что его окружают – неправильные. Что они не могут быть правильными, потому что их образ жизни не соответствует предписанным для праведных людей канонам. Что они не счастливые, не веселые и не добрые, а только притворяются таковыми. Итак, он решил для себя главную проблему: в мире, где не существовало и не могло существовать врагов, он нашел для себя врага. И врагом этим стали все остальные люди. Естественно, сам этот человек немедленно стал для самого себя образцом добродетели...

– Хватит, замолчи! – крикнул Клаус. – Сколько можно издеваться?

– Не хватит! – жестко произнес Беркут. – Будешь слушать, пока не дослушаешь до конца. Для того, чтобы логично обосновать свое отличие от прочих людей, этот человек выбрал какую-то единую черту всех обитателей рая. К примеру, для всех них было обязательно принимать душ по утрам. "Мерзавцы! – возмутился наш человек. – То, что они моются, свидетельствует о том, что они грязны. А из оного, в свою очередь, следует то, что они греховны! Я же чист и праведен, поэтому мыться я больше не буду. Никогда!!!" Человек перестал мыться, и уже через две недели от него благоухало, как от старого козла. Вежливые люди рая поначалу терпели

такое неприятное чудачество, но через некоторое время начали сторониться. "Ага! – возопил наш герой, – эти нелюди выдали себя. Они притворялись хорошими, но теперь не хотят общаться со мной, святым праведником, и, стало быть, они бяки!" Просьбы соседей помыться этот человек отвергал с искренним негодованием. "Я не моюсь, потому что у меня есть душа, – говорил он с фанатичным блеском в глазах. – А то, что вы принимаете водные процедуры, говорит о том, что вы – бездушные монстры" ...

– Корявая у тебя получилась басня, – перебил Беркута Клаус. – Дальше можешь не рассказывать – и так все ясно. Только потрудись объяснить, что общего между мытьем тела и методикой АПВ? Без этого все твои аллегории рассыпаются в прах.

– Для нас это обычно – заниматься психовизуализацией, – сказал Захаров. – Так же обычно, как мыться под душем. Мы не придаем этому действию ни религиозного, ни культового значения. Мы моемся под душем, и поэтому нас минуют кожные болезни, вши и блохи. Мы занимаемся АПВ, и поэтому мы живем в гармоничном равновесии. Твое отвращение к психовизуализации кажется мне обычным неврозом. Преодолей это, попробуй начать занятия, и ты поймешь, как много терял до сих пор...

– Это не невроз. У меня есть теория, объясняющая, почему ни в коем случае нельзя заниматься АПВ.

– Хорошо. Давай, излагай свою теорию.

– Я могу рассказать ее только Патрику.

– Экий ты упрямец! – Беркут наконец-то соизволил улыбнуться. – Ну ладно, будет тебе Патрик. Уже завтра будет.

– Правда? – удивился Клаус.

– Да. Он сказал мне, что ждет тебя завтра в полдень.

* * *

Завтра в полдень... Завтра... Клаус метался по огромному дому Беркута. Что он искал? Он и сам не знал.

Он просто спешил воспользоваться отсутствием Беркута. Хозяин исчез из дома вскоре после окончания разговора. Исчез, и все. Клаус нутром чувствовал, что Захаров будет отсутствовать долго, несколько часов (отправился посоветоваться с Патриком, как лучше перевоспитывать упрямого Клауса?) и теперь он торопился обследовать огромный дом, полный загадочных, непонятных предметов.

Клаус действовал почти бессознательно, как в бреду. Он сунул свой длинный нос в каждую щель на первом этаже, обшарил мастерскую, баню, склад и гараж, но ничто там не привлекло его внимания, не заставило остановиться, взять что-либо в руки, осмотреться и задуматься. Второй этаж, жилые помещения. Кухня, столовая, спальни... Нет, не то, не то. Рабочий кабинет Беркута...

Клаус вдруг очнулся, вышел из полузабытья. Он обнаружил, что стоит в кабинете Алексея Захарова и в упор смотрит

рит на картину, висящую на стене.

Пейзаж, картина осеннего леса. Классическая школа: холст, масло. Неплохая работа, хотя ничего особенного. Кроме того, пожалуй, что это – единственная картина во всем огромном доме.

Как-то чужеродно она смотрится на стене. Так, словно ее повесили, чтобы прикрыть, спрятать что-то. Грязное пятно на обоях, к примеру. Кровавое пятно. Улика. След жуткого преступления, убийства.

Разыгралась фантазия... Клаус усмехнулся, протянул руки вперед, схватился за края рамы и легко снял картину со стены.

Ага, вот оно что. Сейф, утопленный в стене. Дверца из тускловатого серого металла, абсолютно непробиваемого на вид. А где же устройство набора шифра? Где хотя бы замочная скважина? Нет ничего – только простая ручка.

Клаус повернул ручку вниз – напряженно сжав зубы, едва не зажмурившись, ожидая ловушки, подвоха. Сейчас его шархнет током – пять тысяч вольт. Или с потолка на голову свалится двухпудовая гиря...

Щелкнул внутренний замок, сработала пружина и дверца открылась настежь.

Бог ты мой, вот оно что... Симпатичные пластмассовые игрушки. Любимые игрушки Захарова-Беркута? А почему бы и нет? Когда-то, еще при жизни обычных людей, Клаус и сам любил поиграть такими. Одна из таких пластиковых

загогулин всегда лежала под его подушкой – как страховка от непредвиденных обстоятельств. Жизнь тогда была опасной...

На полке аккуратным рядком лежали пять пистолетов «Магнум-москито». «Комар», о ружье, изобретенное в 2045 году. Последняя модель автоматического пистолета, серийно производимая человечеством. Войны в этом году уже сходили на нет, но бытовая преступность еще существовала. Маленький симпатичный пистолетик для личной самозащиты. Серый пластик, никаких металлических частей. Вес – граммов пятьдесят. Капсулы-патроны – по десять штук в магазине. Игрушка...

Клаус взял "Магнум", покачал его на ладони. "Комарик" кусался весьма серьезно. Бронежилет, конечно, его пули не пробивали, но при удачном попадании в незащищенные участки тела путевка на тот свет была гарантирована. Пуля со смещенным центром, взрывающаяся в тканях организма подобно маленькой бомбе. Для чего Беркуту понадобилось хранить пистолеты, давно уничтоженные во всем мире, запрещенные Вашингтонской конвенцией 2060 года? Чтобы на медведей ходить? Вряд ли. Это оружие было предназначено для стрельбы в людей. Именно в них.

Клаус открыл коробку, извлек белый пластиковый магазин, вставил его в рукоятку. Оружие к бою готово. Отлично. Жаль, испытать его негде и некогда. Ладно, пластик – не металл, не ржавеет. Будем надеяться, что за столетия ничего с

пистолетом не случилось.

Он зафиксировал кнопку предохранителя, опустил пистолет в карман. Пригодится. Так, что тут еще интересного? Древняя записная книжка в обложке из зеленого пластика. Мелкий трудноразборчивый почерк, да еще и по-русски... Но почитать стоит. За триста лет Клаус неплохо освоил русский язык, весьма распространенный у новусов. Что там за секреты у Алексея Захарова?

Чтение заняло около часа. Потом Клаус положил книжку на место, закрыл сейф, повесил картину на место. Беркут, конечно, взбесится, когда обнаружит пропажу пистолета. Найдет поганца Клауса Даффи, и... И что тогда? Да ничего он Клаусу не сделает. Вряд ли он захочет, чтобы информация о том, что он хранит в своем сейфе, стала доступной остальным новусам. Охотничье ружье – это одно, а вот маленький пистолет для убийства людей – совсем другое. Да и содержимое записной книжки – та еще бомба. Ничего Клаусу не будет. Все обойдется.

Беркут появился через полчаса. Он обнаружил Клауса на кухне. Даффи сидел за столом и с наслаждением уплетал копченый окорок из оленины.

– Поем-ка я мясца напоследок, – сказал он. – Кто знает, когда еще доведется его попробовать?

– Все, дальше пойдешь сам, – сказал Беркут. – Вот по этой тропинке вперед, метров пятьсот. Увидишь высокий каменный забор, встанешь перед воротами.

– И что потом? Кричать, звать хозяина?

– Тебя увидят. Не нервничай, Клаус, дальше все будет нормально. Считай, ты уже у Патрика.

– А ты не зайдешь к нему?

– Не зайду. Поеду домой.

– Почему?

– Потому что так надо, – отрезал Беркут. – Ну все, бывай.

– До свидания, – Клаус замялся. – Слушай, Беркут, не обижайся на меня, если что не так. Ну такой вот я сдвинутый – с вашей точки зрения, конечно. Могила меня исправит. Может быть, встретимся еще, полетаем...

– Ты мог бы летать сам, без меня, – буркнул Беркут. – У всех новусов – разные способности к АПВ. Я протестировал тебя, и оказалось, что ты – "Эс-Ти".

– Это что еще значит?

– Ты – "Superteaching", сверхобучаемый. Это означает то, что ты можешь осваивать руны в пять-десять раз быстрее, чем обычный новус. Также это означает то, что ты мог бы создать собственные новые руны. И, наконец, это значит то, что из-за твоей психопатической лени мы, новусы, не полу-

чим какие-то очень важные для нас умения. Каждый Эс-Ти уникален. Руны могут создавать только сверхобучаемые. Вот так-то...

– А ты – Эс-Ти?

– Да, конечно.

– Вот что означают твои слова "новус из новусов"... И много вас, таких?

– Этого я тебе не скажу. – Беркут сел за руль вездехода, нажатием кнопки включил электродвигатель. – Дальше будешь говорить с Патриком. Он тебе много интересного расскажет. Если конечно, захочет рассказать.

Беркут резко вывернул руль, рванул с места, его маленькая приземистая машина спрыгнула с кочки, пружинисто опустилась на толстые ребристые колеса и резво покатила вниз по склону.

Клаус завистливо вздохнул (вот бы ему такой вездеходик!) и потопал по лесной тропинке.

Если резиденция Захарова напоминала небольшой форт, то место обитания Патрика Ньюмена тянуло на целую крепость. Не замок, а именно крепость – городок, окруженный высокой стеной, сложенной из бурых базальтовых камней, плотно подогнанных друг к другу. Стены уходили вправо и влево от ворот и терялись в мрачном пихтовом лесу. Вряд ли Патрик жил здесь один – он не справился бы в одиночку с обслуживанием такого города.

Видеокамеры обнаружили появление гостя: ворота от-

крылись и подтвердили предположение Клауса, что Патрик – лишь один из обитателей резиденции. Перед Клаусом стояло изумительное создание – девушка настолько милая и юная, что ему показалось, что ей на самом деле лет восемнадцать, а не триста с чем-то.

– Привет, Клаус, – сказала она. – Славно, что ты пришел, мы тебя ждали. Меня зовут Элис.

А потом она сделала то, чего никак не ожидал Клаус. Она сделала шаг к нему и поцеловала его в щеку. Свежий травяной аромат овеял его – шалфей, зверобой, донник... Клаус закрыл глаза. Элис. Alice in Wonderland. Он попал в сказку.

– От тебя пахнет юностью, – сказал он.

– Юностью?.. Да, наверное. Пойдем, Клаус.

Она пошла по дороге, мощеной квадратными булыжниками. Клаус двинулся за ней. Он озирался вокруг – ожидал увидеть нечто необыкновенное. Однако все в резиденции было вполне обычным: аккуратные двухэтажные дома, в основном деревянные, много зелени, улыбчивые люди, попадающиеся по пути. Стандартное место обитания новусов. Правда, мелькнуло в поле зрения что-тостораживающее, резанули слух непривычные звуки, и тут же исчезли – Клаус не успел среагировать, присмотреться и прислушаться. А теперь никак не мог понять, что это могло быть.

Ну и ладно, обойдемся.

– Элис, – окликнул он девушку, – куда мы идем?

– К папе. Он ждет тебя.

– Папа? Вы все его так называете?

– Не все. Только те, кто его дети.

– Ты – его дочь?

– Да.

– Понятно...

Клаус насупился, замолчал. Значит, все-таки ей не восемнадцать, а триста с преизрядным хвостиком. Она никак не могла родиться позже 2027 года. Жаль – так хотелось поверить в сказку. Хорошо девочка сохранилась. Наверное, в этой резиденции придумали способ еще более эффективно-го омолаживания, чем применялся до сих пор.

Они миновали сквер, уставленный мраморными статуями в античном стиле. Проществовали сквозь длинный портик, украшенный высокими белоснежными колоннами. И вошли в здание, напоминающее римский дворец.

– Твой папа любит роскошь, – заметил Клаус. – Неплохой домик себе отгрохал.

– Это не его дом, – Элис обернулась, блеснула жемчужно ровными зубами. – Папа живет в обычном доме. А это – Панруниум.

– Что-то вроде храма? Место поклонения святым рунам?

– Совсем не так. У нас нет религии, ты же знаешь. Просто это место – особое по геоэнергетике. Здесь самая благоприятная зона для психовизуализации в Евразии. Папа здесь работает. И многие другие работают – те, кто создает новые руны.

– Ах да, я слышал об этом, – Клаус махнул рукой. – Аномальная зона, телепорт у вас не действует и все такое. Слышать-то хоть вы друг друга можете?

– Можем. Здесь самая лучшая слышимость на Земле. Некоторые слышат даже то, что происходит в Австралии.

– Ничего себе! – присвистнул Клаус. – А Антарктиду не слышите?

– В Антарктиде нет людей, – сказала Элис, строго сдвинув светлые бровки. – Там только пингвины. Ты что, не знаешь этого?

– Шучу я, – пояснил Клаус. – Шутки у меня дурацкие. Это потому что я не осваиваю руны и вообще полностью отказываюсь от АПВ. Такой вот я уникам, единственный на планете! Не страшно со мной дело иметь? Вдруг наброшусь?

– Не страшно. И вовсе ты не уникам. Подумаешь, обычный отказник.

– Отказник? – озадаченно переспросил Клаус.

– Ну да, отказник – новус, который не хочет изучать руны. Каждый отказник считает, что он единственный и неповторимый. Но вот я, например, уже третьего отказника за последние два года здесь вижу.

– И много нас таких, отказников?

– Спроси у папы. Он знает все.

– Так что, Патрик вызывает всех отказников сюда, для воспитательной работы? На промывку мозгов?

– Глупый ты, Клаус! – заявила вдруг Элис, не переставая

при этом лучезарно улыбаться. – Никто тебя сюда не вызывал, ты сам напросился, насколько я помню. Не говори глупостей и гадостей – не придется потом извиняться: так меня учили в детстве. Мы пришли, – она показала на массивную деревянную дверь. – Иди, желаю тебе удачи.

– А еще раз меня поцелуешь?

– Пожалуйста. – Она чмокнула его в щеку, неожиданно порозовела. – А ты симпатичный, Клаус. Если останешься здесь для учебы, заходи в гости.

– Непременно! – пообещал Клаус и шагнул в дверь.

Как все просто, оказывается! Останься здесь для учебы (учебы чему? Психовизуализации, конечно!) и тогда можешь рассчитывать на благосклонность такой замечательной девушки. Ну уж нет! Очередная ловушка. Он на такое не купится.

Почему его душа так нужна новусам? Почему они так нячатся с ним, с Клаусом Даффи, обхаживают его всеми способами?

Он уже начинал догадываться.

* * *

Патрик Ньюмен выглядел точно так же как на изображениях, тысячи раз виденных Клаусом. Выше среднего роста, моложавый и стройный. Приятное лицо – аккуратная бородка, внимательные голубые глаза. Борода почему-то седая, а

глаза в сеточке морщин – как у Беркута. Похоже, что у сибирских мужчин мода такая – выглядеть слегка пожилыми. Как им это удается?

– Здравствуйте, господин патриарх, – сказал Клаус и протянул руку. – Спасибо, что пригласили меня. Я уж и не чаял вас увидеть.

– Патриарх? – Ньюмен удивленно наклонил голову, отвечая на рукопожатие. Не называйте меня так, Клаус. В этом мире нет и не может быть патриарха. Я такой же как все. Новус. Простой новус.

– Простой новус? – усмешка исказила нервное лицо Клауса. – Скажете тоже... Новус не может быть простым. Те, кто имел несчастье быть простым, вымерли как динозавры. Те, кто были просто людьми, хомо сапиенсами, а не хомо новусами.

– Вы пришли сюда для того, чтобы сообщить мне эту новость? Вынужден вас разочаровать – я уже слышал ее. Желаете сказать что-то еще?

– А что я должен говорить?

– Вам нечего сказать, Клаус? Зачем же вы сюда пришли? Почему вы отнимаете мое драгоценное время?

Клаус опешил. Он ожидал, что Ньюмен начнет вежливо сюсюкать с ним, как это делали большинство новусов. Клаус привык к деликатной манере разговора новусов. Привык с ходу, в лоб, начинать хамить – оказывать таким образом непосредственное и прямое давление. Подсознательно

он рассчитывал, что Ньюмен, создатель этики новусов, окажется таким же добродушным, как и большинство. Выходило совсем не так. Своей жесткой манерой поведения Ньюмен напоминал Беркута.

– Я нужен вам, – сказал Клаус, стараясь сохранить уверенность в голосе. – Я вам нужен, поэтому вы меня и позвали.

– Мы вас не звали. Во всяком случае, я не звал. Вы долго настаивали на аудиенции, и наконец я согласился. Кажется, вы хотели поделиться со мной своими проблемами? Я слушаю...

Клаус Даффи прошел вдоль кабинета и опустился в мягкое кресло. Вытер рукой вспотевший лоб. Чувствовал он себя отвратительно. Все шло наперекосяк.

– Я не могу так, – сказал он. – Вы, Патрик, давите на меня безо всякого снисхождения. Мне действительно очень плохо. Мне нужно, чтобы кто-то отнесся ко мне с сочувствием. Чтобы кто-то мудрый, действительно мудрый, выслушал меня. Для этого я и пришел к вам, я очень на вас надеялся. А что я сейчас от вас слышу? "Давай, Клаус, быстро излагай свои проблемы и проваливай! У меня, великого Патрика Ньюмена, нет времени!"

– Вот значит, как? – Патрик присел на край стола, задумчиво потерев рукой бородку, и вдруг улыбнулся. – Почему вы так болезненно реагируете на жесткое с вами обращение, Клаус? Кажется, вы еще совсем недавно презрительно отзывались о добродушных обитателях Кальпе. Вы мечтали

найти в этом мире кого-нибудь, хоть отдаленно похожего на вымерших сапиенсов, способного на грубость и даже агрессию. А теперь вы в полной растерянности.

– Я просто отвык, – пробормотал Клаус. – Отвык от настоящих людей с настоящими эмоциями. Я уже сто лет торчу в этом сиропно-благодушном Кальпе, в окружении безобидных милашек и красавчиков. Им плюнь в глаза – утрутся и стерпят, даже улыбаться не прекратят. Они не любят меня, но никогда не говорят об этом вслух – слишком вежливы. Мне нравится делать им гадости – это мое единственное развлечение там. Мне скучно, Патрик.

– Скучно? – Патрик насмешливо поднял брови. – Чем вы занимаетесь, Клаус? Какова ваша профессия?

– Нет у меня профессии. Когда-то я был хорошим программистом. Но компьютеров давно уже нет – кому нужны электронные мозги, если любой новус умнее самого продвинутого компьютера. Один лишь я как был дураком, так им и остался. Основное мое занятие – это ностальгия. Я брожу по окрестностям Кальпе, по тому месту, которое когда-то населяли испанцы. Я роюсь в развалинах мертвых городков, я нахожу хорошие вещи. Красивые, дорогие, драгоценные вещи, за которые триста лет назад отвалили бы немало денег. Теперь все это хлам, Патрик. Бесплезный хлам. Я смотрю на него и вспоминаю прошлое. Люди вымерли, а я остался. Я никак не могу умереть. У меня не получается.

– Вы хотите умереть?

– Я не хочу жить в этом мире – невыносимо красивом и совершенном. Но как я могу уйти? Смерть пугает меня – я слишком привык жить. Если бы можно было умереть как-нибудь безболезненно, во сне... Иногда я схожу с ума. Я напиваюсь как свинья, лежу где-нибудь в руинах мертвого города, на истлевшей за столетия кровати, и впадаю в сладкий бред. Мне кажется, что я снова в старом мире. Тысячи обычных смертных людей проходят мимо меня, грубо толкают меня, разговаривают со мной, отпускают сальные шуточки, не считаясь с приличиями. Я галлюцинирую – брожу по улицам Нью-Йорка, мусор шелестит под моими ногами, дымные автомобили с ревом проносятся мимо, дамочки легкого поведения бросают на меня призывные взгляды. Я богат, Патрик, я сказочно богат... Я захожу в казино и небрежно бросаю свой плащ на руки метрдотелю. Я закуриваю толстую сигару, я поднимаюсь по мраморным ступеням в игровой зал и сотни зеркал в золотых рамах отражают меня – надменного яппи в безупречном смокинге. Я без сожаления проигрываю полмиллиона долларов и возвращаюсь домой в "Роллс-Ройсе" – пьяный, усталый, безмерно счастливый... Я просыпаюсь утром от холода, я вижу небо сквозь дырявую крышу, распугиваю крыс, бегающих по трухлявому полу. Я снова в этом мире, и то, что доставляло мне радость, умерло столетия назад. Все умерло, Патрик. А я так хочу домой...

– Да, нелегко вам приходится, – Патрик покачал головой, сочувствие появилось в его взгляде. – Вы правы – этот мир

мало подходит для обычных людей, он создан для новусов. Жить в течение сотен лет и ничего не делать... Поневоле сойдешь с ума.

– У меня есть какой-нибудь выход?

– Есть, и вы знаете его. Мы можем оказать вам квалифицированную помощь. Я согласен лично провести с вами первые сеансы психокоррекции. Я гарантирую вас блестящие результаты – тестирование показало, что у вас есть для этого все предпосылки.

– Вы думаете, что если я стану заниматься АПВ, то все пройдет? Я смогу быть счастливым?

– Я знаю это. Знаю совершенно точно. Именно так все и будет.

– И я стану добрым и пушистым? И перестану есть мясо?

– Вряд ли. У вас примитивные представления о психике новусов. Вы станете таким, каким захотите стать. Вы обнаружите, что ваша жизнь до этого была лишь блеклым существованием, лишенным звуков и красок. Вы познаете новые ощущения, по сравнению с которыми алкоголь – всего лишь дистиллированная вода. Новый мир откроется вам во всем своем богатстве. И вы сами выберете, что из этого разнообразия вам подходит, а что нет.

– Я никогда не буду заниматься АПВ, – сказал Клаус. – Слышите, Патрик, никогда! Идите к черту – вы, новусы и ваш совершенный мир!

– Вот как? И почему же?

– Это сложно объяснить. Вы не захотите слушать.

– Я уже хочу. Говорите, Клаус. Я слушаю вас внимательно.

– Душа. Все дело в душе. Вы, новусы, заключили свои души в тюрьму, из которой нет выхода. Вы лишили их движения, замуровали их в каменные стены. И убили их таким образом. Моя душа еще жива, хотя и тяжело ранена. Она страдает, она боится, что я добью ее. Но я не стану делать этого.

– Душа? – Ньюмен сухо забарабанил пальцами по столу. – Душа... Ах да, конечно, вы говорили об этом с Захаровым. Простите, Клаус, я не вспоминал о религии уже много лет. Подзабылась эта специфическая терминология. Напомните мне, пожалуйста...

– Это не терминология! – выкрикнул Клаус. – Все так и есть на самом деле! Значит, так: человек живет, и совершает поступки, плохие или хорошие, и в конце концов умирает. Тогда душа его освобождается, покидает изношенное, грешное тело и получает новый шанс. Дальше – новое рождение, реинкарнация, все начинается с чистого листа... Конечно, в новой своей жизни, в новом воплощении будут сделаны новые ошибки, но все же это – жизнь! Настоящая жизнь, которую сменяет настоящая смерть. Вы нарушили естественный процесс, изъяв из него свои души. Но это не истинное бессмертие! Истинного бессмертия можно достичь только путем просветления. А вы всего лишь заморозили свою смерть, растянули ее до бесконечности. Вы не люди, вы – ходячие трупы...

Клаус задыхался, с трудом подбирая слова. Боже мой, оказывается, он и сам почти забыл все то, во что так свято верил. Вся теория, выстроенная им давным-давно, развалилась, сохранив лишь разрозненные обрывки постулатов. Почему он не записал все это вовремя? Лень было. Что-то там о карме и воздаянии. Круг Перерождений, Восьмеричный Путь... Древние, почти уже непонятные словосочетания. У даже него не осталось даже книг, в которых об этом говорилось.

Не важно. Совсем не важно. Совсем необязательно помнить подробности. Главное – это выводы. А их он помнит твердо.

– Теперь я понимаю, – сказал Ньюмен. – Судя по всему, в вашем подсознании бунтуют сапиентоидные атавизмы. У всех отказников это проявляется по-разному. В вашем случае – индивидуальный намеренный тип контрвнушения, основанный на религиозном мировоззрении. Как результат – аутистическое отчуждение от общества. Когда-то вы были буддистом, да, Клаус?

– Да, я буддист! Это что, плохо по-вашему?

– Индуисты и буддисты всегда яростно нападали на мою методику. В середине двадцать первого века мне пришлось выдержать длительную дискуссию с профессором Гэ Бич-энем из Шанхая. Два года подряд он посылал мне язвительные открытые письма, а я на них публично отвечал. Само собой, никто из нас так ничего друг другу и не доказал. Из-

вините, Клаус, мне кажется, что научного диспута у нас с вами не получится. Мы оба не готовы к нему. У вас в голове хаос – я слышу это.

– Не смейте подслушивать мои мысли! – прошипел Клаус. – Телепаты чертовы, шпионы!

– Вы без труда можете научиться тому же и оказаться со мной в равных условиях. Совершенствуйтесь – и войдете в число искуснейших из нас.

– Это не совершенствование, а лишь бесконечное воспроизведение самого себя, застывшего в неподвижности! – Из Клауса глубины памяти выплыло нечто важное, некогда обдуманное и выстраданное им. – Я вспомнил! Вот, слушайте, в чем состоит истина: душу не нужно делать бессмертной, она бессмертна сама по себе. Душа человека должна быть свободна в своих странствиях. Она стремится к совершенству в своих перерождениях и очередное тело для нее – лишь временное пристанище. Ваши интересы противоположны этому, ваша главная задача – любыми средствами заставить жить вечно ваше тело, любимое и ненаглядное. Мыслеформы, изобретенные вами, служат именно этому, и вы дублируете их бесконечно, изо дня в день. Вы как бы проигрываете компактный диск, на котором записано основное содержание вашей личности. Более того, вы постоянно изобретаете новые руны-мыслеформы – о да, это интересно, вы всегда можете поставить на свой внутренний проигрыватель новую запись и создать для себя очередную иллюзию раз-

нообразия. Но это лишь суррогат бессмертия. Душе в этом неестественном процессе делать нечего. Она умирает.

– Вы же только что говорили, что души бессмертны, – педантично заметил Патрик.

– Да, действительно... Ладно, тогда предположим по-другому – ваши души не умерли, они ушли от вас, покинули ваши тела, чтобы найти себя в другом месте. Так или иначе, вы, новусы – бездушные создания.

– Пожалуй, я недооценил вас, – Патрик смотрел на Клауса с искренним интересом. – Вы неплохой аналитик, Клаус. Многое из того, что вы сказали – остроумная интерпретация действительных фактов. Знаете только, в чем ваша проблема?

– В чем?

– Вы мыслите как сапиенс. Все то, что вы высказали мне, для большинства новусов будет звучать как анахроничный, непонятный набор слов.

– Новусы настолько тупы? – язвительно спросил Клаус.

– Они настолько умны. Для сапиенсов было свойственно усложнять все, с чем они сталкивались. Вспомните вторую половину двадцатого века и начало двадцать первого. Технический прогресс дошел до извращенной, патологической степени сложности. Электронные процессоры начали регулировать все – даже утюги и машинки для стрижки волос. Когда мы, новусы, изобрели свои машины, стало ясно, что добиться высочайшей эффективности можно гораздо более

простым путем. Техника сапиенсов не выдержала конкуренции – она была слишком сложной и дорогостоящей по сравнению с нашей. То же касается и мировоззрения. Мы стремимся к простоте, Клаус. Мы не объясняем в многотомном философском трактате то, что можно выразить одним предложением.

– Так все оно и есть! – воскликнул Клаус, сжимая кулаки от ярости. – Книги, с вашей точки зрения, – ненужное! Потому вы с удовольствием уничтожили все литературные издания, и телевидение, и театры, и вообще все, что с точки зрения людей считалось признаками культуры...

– У нас своя культура, – спокойно произнес Ньюмен. – Мы не считаем, что она хуже прежней.

– Где она, эта ваша культура? – Клаус взмахнул руками. – Где? Не подскажите, какой фильм идет сегодня в вашем кинотеатре? Хочу посмотреть какую-нибудь мелодраму!

– У нас есть нечто вроде театров, – сказал Ньюмен. – Нечто, по сравнению с чем лучшие театры сапиенсов покажутся примитивным кукольным балаганчиком. Но вам нечего делать там, Клаус. Вы слепы и глухи, вы ничего там не поймете.

– Все-то у вас есть, – проворчал Даффи. – Только меня туда никто не приглашает.

– Я приглашаю, – Патрик улыбнулся широко и дружелюбно. – Я официально приглашаю вас в наше общество, Клаус Даффи. Человек уже не звучит как "Homo sapiens".

Теперь человек называется "Номо повус". Станьте человеком, Клаус.

– Нет.

– Вы нам нужны, – сказал Ньюмен.

– Ага, значит, все-таки я вам нужен?!

– Нужны. Вы – сверхобучаемый.

– А я не дамся! – злобно захохотал Клаус. – Ну, что вы теперь со мной сделаете? Накачаете какой-нибудь гадостью и под гипнозом заставите выучить руны?

– Алексей Захаров, которого вы знаете под именем Беркут, тоже был отказником, – сказал Ньюмен. – Он не желал изучать мыслеформы. Он стрелял из ружья во всех, кто приближался к его дому.

– Что? Беркут?! Не верю! Вы наспех придумываете очередную сказку, чтобы обмануть меня.

– Захаров был отказником. И Роб Бракен – тоже. Отказником был также Крис Макклейн, создатель Руны Воды и еще десятка других рун. По моей статистике, восемь из десяти сверхобучаемых прошли через навязчивую идею отказничества. Увы, эта болезнь поражает только самых способных – таких, как вы...

– И что, все они перевоспитались?

– Вы же сами видели Беркута. С прочими бывшими отказниками – то же самое. Они живут счастливо, создают новые руны и двигают человечество вперед.

– И что вы с ними сделали?

– Ничего. Совсем ничего.

– Как – ничего?

– Эта болезнь проходит сама по себе.

– А у меня почему не проходит?

– Пройдет, – уверенно сказал Патрик. – Затянулось у вас это надолго. У вас, Клаус, и еще у сорока семи людей, до сих пор оставшихся отказниками в нашем мире. Но мы подождем. Спешить нам некуда – у нас впереди вечность.

– Вот оно как... – потрясенно выдохнул Клаус. – Почему же я этого не знал? Почему вы мне раньше не сказали? Зачем тогда нужно было устраивать эту тягомотину – для чего меня уламывал сперва Беркут, а потом вы? Вы же знали, что это все равно ничего не даст?

– Ничто не делается просто так, – загадочно промолвил Патрик. – В любом действии есть смысл.

– И что теперь? Отправляться мне домой, в Кальпе?

– Не спешите. Я хочу показать вам еще кое-что. Самое главное. То, из-за чего я вас сюда пригласил.

– Что это? Очередной фокус?

– Сейчас узнаете. Скоро они будут здесь. Они уже идут сюда.

* * *

Дверь распахнулась и в кабинет влетели два чертенка. Они с радостными воплями набросились на Патрика Нью-

мена и повисли на его шее.

Клаус побледнел и молча плюхнулся в кресло. Он не верил своим глазам.

– Папа, папа! – кричали дети, дергая Патрика за бороду. – Майк свалился со стены! Он соврал, что освоил Руну Беркута и стащил твои крылья! Майк – противный врунишка! Он свалился со стены и весь поцарапался. Тетя Джейн сказала, что он вывихнул лодыжку! Так ему и надо!

– Нельзя так говорить! – строго сказал Патрик. – Нужно быть добрыми и уметь сочувствовать чужому несчастью. Конечно, Майк поступил плохо – он соврал, и без спроса взял крылья. Но теперь он поймет, что так делать нельзя...

Клаус обалдело хлопал глазами. Если бы он увидел инопланетян, он удивился бы меньше. Дети, настоящие дети! Совсем маленькие! Мальчик и девочка лет шести-семи – похоже, двойняшки. Светлые волосы, лучистые голубые глаза, забавные круглые мордашки.

– Дети, познакомьтесь с Клаусом, – сказал Патрик, подталкивая ребятшек вперед. – Он приехал из Кальпе. Это мои дети, Клаус. Двое из моих детей, самые младшие. Дэвид и Джулия.

Девочка Джулия вежливо шаркнула ножкой, изобразив нечто вроде реверанса. Толстячок Дэвид вытаращился на Клауса и полез пальцем в нос.

– Привет, – проскрипел Клаус. – Как дела?

– Э, да ты ведь отказник, дядя Клаус! – заявил Дэвид. –

У тебя мысли зеленые. Вот тут вот, – он ткнул пальчиком Клаусу прямо в лоб. – У всех отказников мысли зеленые. Ты больной, дядя Клаус. Но это ничего, это не страшно. Папа говорит, что скоро ты выздоровеешь.

– Дети... – В глотке Клауса пересохло. – Это же настоящие дети! Откуда у вас дети, Патрик?!

– Мама говорит, что мы из ее животика родились, – осведомленно заявил Дэвид. – А еще она говорила, что детей очень долго не было, а потом папа придумал Руну Возрождения, и дети снова появились.

Так вот что за странные звуки слышал Клаус на улице. Детский смех, ребячий лепет. Невероятно...

– И много детей в вашем городе? – спросил он.

– Много! – Дэвид, очевидно, решил, что все вопросы адресуются к нему, и с удовольствием исполнял роль пресс-секретаря папы Патрика. – Детей у нас полным-полно! Тыща!

– За последние тридцать лет в резиденции родилось сто пять детей, – уточнил Патрик. – Не тысяча, конечно, но... Вы говорили о шансе, Клаус. Вот он, шанс. Человечество возродится. У меня – шестеро детей. Элис вы уже видели...

– И что, все они – новусы?

– Да, разумеется, – гордо сказал Ньюмен. – С самого рождения. Больше того – каждый второй из них – Эс-Ти. У них великолепные способности...

– Папа! – крикнул вдруг мальчишка, резко отшатнувшись

от Клауса, – этот дядька – плохой! Он думает неправильные слова!

Дэвид не успел удрать. Клаус обхватил его рукой поперек живота и притянул к себе, зажав между коленями. Девочка испуганно бросилась к отцу.

– Я очень плохой, – сказал Клаус Даффи, вытаскивая из кармана пистолет. – Патрик, прикажите своему отпрыску, чтобы перестал брыкаться и царапаться. Иначе я продырявлю его потенциально гениальную голову и одним Эс-Ти в этом мире станет меньше.

– Дейв, веди себя спокойно! – крикнул Ньюмен, глядя на пистолет округлившимися от ужаса глазами. – Дядя шутит. Не царапайся, и он не сделает тебе ничего плохого.

Дэвид затих. Клаус удовлетворенно кивнул, приставил пистолет к белобрысой мальчишечьей голове и демонстративно щелкнул предохранителем.

– Не пытайтесь совершить какую-нибудь глупость, Патрик, – сказал он. – Не зовите на помощь телохранителей, если они у вас есть – я все равно успею нажать на курок быстрее. Хотя... Позовите-ка сюда Элис. Я хочу еще разочек взглянуть на нее. Она мне понравилась. Милая девочка.

– Чего вы хотите, Клаус?

– Дурацкий вопрос. Вы и так прекрасно знаете то, чего я хочу – давно уже прочитали все в моих мыслях. Зовите Элис!

– Уже позвал, она будет здесь через минуту. Клаус, пожалуйста, отпустите ребенка. Я отвечу на ваш вопрос – но

только наедине. Не нужно, чтобы наши дети знали об этом. Отпустите малыша, и я обещаю, что вы уйдете из резиденции безо всякого вреда для себя...

– Я стараюсь не для себя, а для него! – хрипло произнес Клаус. – Для этого вот бэби-новуса. Я хочу, чтобы ваши дети знали, на каком дерьме построен этот счастливый мир.

– Я могу сказать вам все, что придет мне в голову. Откуда вы узнаете, правду ли я сказал?

– Если ты солжешь, я убью твоего сына, – сказал Клаус, переходя на "ты". – Ты не можешь мне солгать, потому что я уже знаю правду, Патрик. Я только хочу, чтобы ты произнес это вслух. Я знаю, что случилось на самом деле. Я читал записную книжку Захарова. И я знаю, что он из тех, кто выжил в Лашо.

Патрик вздрогнул, когда услышал слово "Лашо". Клаус попал в точку.

* * *

– Клаус, зачем ты так поступаешь? – спросила Элис. – Мне показалось, что ты хороший человек. Почему ты хочешь убить моего брата?

Она стояла у стены и потрясенно глядела на происходящее. Девочка из будущего. Она никогда не видела мертвых людей. Она понятия не имела об убийствах и насилии.

– Говори, Патрик! – потребовал Клаус. – Скажи ей! Скажи

так, чтоб это слышали все ваши.

– О чем говорить? Вы так и не задали вопрос.

– Что случилось после трагедии в Лашо?

– Ничего особенного. Меня спрашивали, станем ли мы, новусы, мстить, но я ответил, что не станем, что мы вообще не можем мстить...

– Ты уходишь от ответа! – Клаус покачал головой. – Ладно, Патрик, пожалуй, я помогу тебе. Я расскажу твоим деткам сказку – страшную, но интересную. Когда-то в этом мире было много людей. Очень много – в одном городе могло жить людей больше, чем живет сейчас во всем мире. Эти люди были необычными – представьте себе, они болели, умирали от старости, не могли читать чужие мысли и перемещаться на большие расстояния. Вы, детки, наверное, и представить себе такого не можете. Большею частью эти люди были хорошими. Да, у них были свои недостатки, но они умели любить, радоваться, смеяться и плакать. Они работали на фабриках и фермах, они ходили в кино и читали книги, они воспитывали своих детей. А новусы тогда уже были. В основном они жили среди остальных людей и почти ничем от них не отличались. Но, к сожалению, некоторые смертные люди не очень любили новусов и старались их обидеть. Поэтому многие новусы жили в городках-резиденциях. Все эти резиденции находились в глухих лесах или джунглях – чтобы труднее было до них добраться.

– Мы все это уже знаем, – сказала Элис. – Даже они, – она

показала на малышей, – прекрасно это знают. Они уже год учат историю.

– А что случилось в Лашо, ты знаешь?!

– Знаю. Повстанцы напали на резиденцию и убили всех, кто там жил.

– Это случилось 16 июня 2025 года. А с начала 2026 года у людей перестали рождаться дети. Человечество было обречено на вымирание. Я уточню: смертное человечество. Новусам ничего не угрожало – они не старели и не умирали. Таким образом новусы получили возможность мирно и спокойно, без войн и насилия, избавиться от своих конкурентов – сапиенсов. Новусы обеспечили сапиенсам благополучную старость, а потом заботливо похоронили их. Прошло несколько сотен лет – теперь все забыто, можно приступить к репродукции. Снова начали рождаться дети – скорее всего, по способностям они превзойдут своих родителей. Все правильно... Тщательно продуманный план Патрика Ньюмена продолжает осуществляться. Только знаешь, Элис, о чем я думаю: не случится ли однажды так, что начнут умирать и новусы? Те новусы, которые не Эс-Ти. Обычные, не сверхобучаемые, и стало быть, второсортные. Их место займет новое поколение. Людей на этой планете должно быть не слишком много. Популяция должна быть небольшой и стабильной.

– Что ты хочешь сказать? – спросила Элис. – Что папа имеет какое-то отношение к вымиранию сапиенсов? Это

невероятная чушь! Такая гипотеза уже выдвигалась и была опровергнута. У человечества произошел генетический сбой. Трагедия в Лашо и исчезновение рождаемости – это всего лишь совпадение по времени.

– Это не совпадение, – упрямо сказал Клаус. – Человечество уничтожил Патрик Ньюмен, и я обвиняю его в этом. Обвиняю открыто, и хочу, чтобы все новусы слышали об этом.

– Папа, почему ты молчишь? – возмущенно выкрикнула Элис. – Скажи ему...

Патрик хранил молчание – насупившись, смотрел на Клауса и прижимал к себе маленькую Джулию.

– Скажи, Патрик, – саркастически произнес Клаус. – Расскажи всем о Руне Мести.

– Я не имею к этой руне никакого отношения, – глухо сказал Патрик.

– Не имеешь?! – Клаус выхватил из кармана листок клетчатой бумаги, сплошь исписанный мелкими буквами, и помахал им в воздухе. – Ты знаешь, что это такое, Патрик?

– Это из записной книжки Захарова?

– Да! Не хочешь послушать, что он там написал?

– Хочу, – неожиданно сказал Патрик. – Очень хочу. Давайте, Клаус.

– "10 июля 2025 года, – начал читать Клаус. – Из всех жителей Лашо осталось в живых только десять человек – в том числе и я, Алексей Викторович Захаров. Нас прячут в резиденции Заячий Лог, в России. По официальной версии, в

Лашо погибли все. Стало быть, официально я – труп. Интересно, зачем это делается?

15 июля 2025 года. Сегодня я встречался с Патриком. Он рвет и мечет. Говорит, что с удовольствием стер бы всех сапиенсов с лица земли. Видел вчера его выступление по телевизору – держался он хорошо, говорил, как и положено о любви к людям и недопущении насилия. Представляю, чего ему это стоило. Я пытался успокоить его, но он и слушать ничего не хочет. По моему, его люди из Китая готовят большое побоище в Мьянме. Конечно, это было нашей большой ошибкой – создание резиденции в дикой Мьянме. Но мстить теперь – это ошибка просто фатальная. Новусы должны быть терпимы.

21 декабря 2025 года. Давно не делал записей в дневнике – увлекся конструированием новой электросеялки. Пять месяцев прошло времени погрома в Лашо – и никаких последствий. Ожидаемая война в Мьянме не состоялась. Патрик остыл, успокоился? Хотелось бы верить, что это так – новусам нельзя предпринимать сейчас никаких резких движений. Но, зная Патрика, верится в такое с трудом... Скорее всего, он готовит какую-то глобальную акцию возмездия. В жизни не встречал более холодного и расчетливого человека.

3 марта 2026 года. Рождаемость продолжает падать. Все в панике. Удивительно, но новусов пока никто в этом не обвиняет. Не додумались пока? Или Патрик действительно тут не при чем? Пытаюсь связаться с Патриком, но он как в воду

канул.

27 апреля 2026 года. Черт возьми, я так и думал! Вчера встретался с Петькой Овчаренко – одним из тех, кто выжил в Лашо. Он напился до чертиков, рыдал. Проболтался мне о Руне Мести. Сказал, что ее создал Патрик. Дети в мире уже почти совсем не рождаются – в том числе и у нас, новусов. Патрик свихнулся, это определленно! Молю Бога, чтобы этому чудовищному процессу можно было дать обратный ход. Я точно знаю, что Патрик в Жуковой Яме, но его секретарь упорно отвечает, что там его нет. Завтра отправляюсь в Красноярск – попытаюсь пробиться к нему лично.

30 апреля 2026 года. Патрик, негодяй, что же ты надедал..."

Клаус замолчал. Жуткая тишина нависла над кабинетом.

– Ну, я думаю, все ясно, – сказал Клаус. – Вы поняли, детки, что натворил ваш любимый папочка? Что ты теперь скажешь, Патрик?

– Ничего не скажу, – чуть слышно произнес Ньюмен. – Все скажет Алексей.

Клаус резко повернулся и увидел Беркута. Тот стоял в проеме открытой двери, нацелив на Клауса ружье.

– Я же говорил тебе: не трогай Парика! – рявкнул Беркут. – Убери пистолет, идиот! Считаю до трех! Раз. Два...

Клаус спешно разжал пальцы, "Магнум" с пластмассовым стуком упал на пол. Мальчишка вырвался из хватки Клауса и бросился на руки к Элис.

– Патрик не убивал человечество, – сказал Беркут. – И не Патрик создал Руну Мести. Тогда, когда я писал этот чертов дневник, я еще не знал об этом. А ты... Ты залез в мой сейф, выдернул одну-единственную страничку, даже не удосужившись прочитать дневник до конца, и пришел сюда пугать детей украденным пистолетом. Ты – редкостная дрянь, Клаус. Я не хочу тебя больше видеть.

– Ну так убей меня! – крикнул Клаус. – Убей!

– Еще чего! – Беркут опустил ружье. – Хочешь и меня извозить в грязи? Не выйдет.

– Руну мести создал Жак Ленвэн, – тихо произнес Патрик. – Сумасшедший француз, один из десяти выживших в Лашо. Я слишком поздно узнал о том, что он натворил. Он действительно сошел с ума – тогда такое еще случалось среди новусов. Я носился за ним по всей планете, пытаюсь узнать, как он это сделал. Он удирал и прятался. Когда мы все-таки заперли его в гостинице в Марселе, он пустил себе пулю в лоб. Он переиграл всех – и сапиенсов, и новусов. Я пытался создать Руну Возрождения все эти столетия... Я безнадежно опоздал. Я согнул эту руну только двадцать лет назад...

– Это не имеет значения, – горько сказал Клаус. – Ты придумал Руну Мести или не ты... Самое главное – то, что именно новусы прикончили сапиенсов. Это было неизбежным ходом в их эволюции. Новусы выступили в роли кукушонка, который выпихивает птенцов из гнезда, чтобы весь корм до-

стался ему одному.

– Дети, кыш отсюда, – сказал Беркут. – Идите играйте, делайте уроки. Мы поговорим с дядей Клаусом наедине, без ваших маленьких ушек.

– А вы убьете дядю Клауса? – спросил Дэвид, совершенно уже оправившийся от испуга, изнывающий от любопытства. – Вы застрелите его, да?

– Дэйв, что ты такое говоришь?! – возмущенно крикнула Элис. – Тебе же объясняли в школе, что людей убивать нельзя!

– Не убьем, конечно, – мрачно усмехнулся Беркут. – Хотя, честно говоря, ума не приложу, что с этим Клаусом делать.

* * *

Клаус плакал. События последних дней окончательно доломали его психику.

– Клаус, вы действительно не хотите жить в мире новусов? – спросил Патрик.

– Не хочу! Ненавижу вас, новусов! Убейте меня, пожалуйста! Пожалуйста! Я так больше не могу!

– Может усыпить его, а? – предложил Беркут. – Чего человеку мучаться? Лет через двести придумаем какое-нибудь быстрое средство от отказничества, тогда и разбудим его...

– Я могу отправить вас в прошлое, Клаус, – сказал Патрик Ньюмен. – В мир сапиенсов. В ту эпоху, о которой вы вспо-

минаете с ностальгией.

– Ты это серьезно, Патрик?! – Беркут выглядел совершенно ошеломленным. – Ты сумел доделать эту руну? Как ты ее назвал?

– Пока – никак. Она еще не опробована, но, в общем-то, готова. Клаус, вы хотите, чтобы мы испытали это на тебе?

– Да! – крикнул Клаус. – Я хочу! Пожалуйста, Патрик, сделайте это!

– Вы не боитесь, что произойдет сбой? Теоретически вас может закинуть в кембрийский океан к каким-нибудь трилобитам. Или в мезозой к динозаврам.

– Наплевать! Лучше пусть меня слопают мамонты!

– Мамонты не ели людей, – заметил Патрик. – Впрочем, я почти уверен, что все получится и вы окажетесь именно в том году, котором захотите. Но подумайте – что это вам даст? Ведь вам придется снова пройти весь свой жизненный путь, повторить его – в 2007 году вы заболите меланомой, станете новусом, чтобы вылечиться, а потом снова будете наблюдать старение и смерть человечества. И, в конце концов, окажетесь в нынешнем, 2345 году со своими прежними проблемами.

– Все будет так, как надо, – уверенно заявил Клаус. – Я прекрасно помню, где находилась та проклятая родинка, из которой развилась моя меланома. Патрик, вы перекинете меня куда-нибудь в начало 2005 года, за два года до болезни. Я вырежу эту родинку заранее – я найду для этого самого

лучшего хирурга. Я не заболею меланомой. И когда появится АПВ, я не буду ей заниматься – ни за что, ни за какие блага в мире. Я проживу свою жизнь простым смертным и лягу в гроб со счастливой улыбкой на губах. Довольно с меня бессмертия. Хватит, эта роскошь не для меня.

– Хорошо, – сказал Ньюмен. – Будем надеяться, что вам повезет. Мне необходимо произвести некоторые приготовления, но, в любом случае, через час я буду готов.

– Не дай бог, ты передумаешь и решишь все-таки стать новусом, – добавил Беркут. – Если ты снова появишься здесь, Даффи, я тебя точно пристрелю. Возьму грех на душу.

– Не вернусь, – пообещал Клаус.

* * *

Патрик сидел с закрытыми глазами, откинувшись на спинку кресла. Он чувствовал себя совершенно разбитым. Сегодняшний день потребовал от него полной выкладки.

Что ж, на то они и проблемы, чтобы их решать. А с Клаусом Даффи нужно было разобраться давно. Он стал слишком опасен.

– Почему ты это сделал именно так? – спросил Беркут. – Ты же знал, что он украл у меня пистолет. Знал, что он читал мой дневник. Почему ты разрешил ему придти сюда, позволил ему сцапать Дэйва, а потом еще и отпустил его?

– Так было нужно, – устало сказал Патрик. – Я отпустил

его душу. Пусть себе странствует. Может быть, она найдет то, что ищет.

– Ты что, всерьез воспринял его теорию о душе? Это же бред сивой кобылы!

– Это старое учение, Беркут. Не Клаус придумал его, и не тебе называть его бредом. Мы стараемся очистить свою память от того, что кажется нам атавизмами прошлого. Мы забыли многое из того, что стало нам ненужным. Иногда я думаю – не напрасно ли... Мыслеформы хороши, но чрезмерное их использование может оторвать человека от реальности, подменить его жизнь виртуальным суррогатом. В чем-то Клаус был прав. Нельзя забывать о естественных процессах. Стоит подумать над этим...

– Что теперь будет с Клаусом?

– В будущем – ничего. В будущем его больше не будет. А в прошлом... Скоро он узнает об этом сам. Точнее, узнал больше трехсот лет назад.

* * *

Голова Клауса раскалывалась от боли. Он приподнялся с кровати, нащупал босыми ногами тапки, поплелся в ванную, включая по пути все лампочки. Поглядел на себя в зеркало. Господи, ну и рожа! Надо ж было так надраться вчера вечером. Где банка с эффералганом?

Так-то вот. Будь добр глотать таблетки горстями. Теперь

ты чист, Клаус Даффи – ты больше не новус. Твое тело уже не излечивает автоматически все болячки, не снимает похмелье. Ты можешь быть счастлив, Клаус. Ты снова – простой Хомо. Хомо сапиенс, человек, имеющий наглость называть себя разумным.

Как-то все это не совсем логично. Телом он – Клаус Даффи образца 2005 года. Возраст – двадцать пять лет, на правом предплечье – родинка, которая через два года переродится в злокачественное заболевание. Он – не новус, вне всякого сомнения. Почему же тогда сохранились все воспоминания за триста лет? Почему они не стерлись? Почему он не начал эту жизнь с чистого листа? Так было бы намного лучше. Невыносимая мука – осознавать, что еще совсем недавно ты жил в раю, а теперь снова вынужден прозябать в мире, сравнимым с адом.

Это все козни Ньюмена. Само собой, он не заинтересован в том, чтобы Клаус Даффи забыл все, и по неведению снова стал новусом. Патрик Ньюмен продумал все – он оставил Клаусу память. И Клаус не разочарует его. Он не станет новусом, не доживет до райского будущего. И даже не винтовка Беркута тому причиной. Просто Клаусу Даффи достаточно. Он скоро закончит свою жизнь. Он слишком стар, несмотря на свое двадцатипятилетнее тело. Душа его засиделась на месте, пора ей отправиться в новое путешествие.

Он не протянет долго – это ясно. Этот мир не для него. Этот мир невероятно грязен и жесток. Он страшен. Удуш-

ливая, ядовитая атмосфера, разъедающая легкие. Стада ревущих автомобилей на улицах – воняющих бензином, опасных, желающих раздавить Клауса, превратить его в грудку окровавленного мяса. Люди, излучающие неконтролируемую агрессию, ненавидящие друг друга. Женщины отвратительного вида – с плохой кожей, с искусственными зубами, желающие немедленно завлечь Клауса и заразить его десятком отвратительных болезней, в том числе и смертельным СПИДом. Нет, он так не дастся. Он выполнит свое дело и уйдет. Если рай и ад – не для него, то он поищет что-то третье. Что-то, подходящее для его души.

Сегодня. Именно сегодня он сделает то, ради чего сюда вернулся. Уже два дня он живет в этом мире и не делает ничего – только пьет всякую сорокаградусную дрянь и запивает ее минеральной водой. Он даже не ест – пища кажется ему отравленной. Он не выходит на улицу. Но сегодня он решится. Он еще не забыл, как пользоваться компьютером – по Интернету он закажет себе билеты на самолет, закажет по телефону такси, он доедет до аэропорта и отправится в место, предназначенное ему судьбой. Он обманет всех. Ха-ха! Никакой детектор в аэропорту не обнаружит его пластиковый пистолет. Такой пистолет изобретут не скоро – только через сорок лет. Клаус умудрился прихватить "Москито" из будущего. И денег у него достаточно – Патрик великодушно подарил ему пластиковую карту "Visa" образца 2003 года, на счету которой несколько сотен тысяч. Интересно, зачем

он так долго хранил ее? Не важно, теперь это уже не важно. Все обстоятельства сошлись благоприятно, и Клаусу стоит поспешить, пока он не издох от депрессии и пьянства.

Клаус Даффи прошлепал в комнату и сделал большой глоток виски прямо из горлышка прямоугольной бутылки. Потом включил компьютер.

Он приступил к делу.

* * *

25 марта 2005 года. В шесть вечера профессор Патрик Ньюмен закончил работу в клинике. Через сорок пять минут он поставил машину в гараж своего дома в пригороде Онтарио, десятью минутами позже вошел в свою спальню, включил свет, и обнаружил незваного гостя, развалившегося на постели.

Пожалуй, профессор Ньюмен напрасно пренебрегал мерами безопасности. Взрослые дети Патрика, бывшая жена и близкие друзья не раз убеждали его обеспечить дом надежной охранной системой. Профессор рассеянно соглашался с ними, но руки до дела так и не доходили. Он откладывал это на следующую неделю, на следующий месяц... Дооткладывался.

Парень, валяющийся на белоснежном покрывале Ньюмена, был, без сомнения, сильно пьян – разило от него, как из пивной бочки. К тому же, он был густо небрит и весьма гряз-

зен – сверху донизу, от кроссовок, заляпанных глиной, до длинных волос, слипшихся в космы. В правой руке парень держал серый предмет, похожий на игрушечный пистолет. Ствол смотрел прямо на Патрика.

– Как вы сюда попали? – холодно спросил Ньюмен.

– Через окно, дорогуша Патрик, через окно! – незнакомец осклабился, показав на удивление ровные и здоровые зубы. – Я так и думал, что у тебя нет сигнализации. Впрочем, если бы она была, я дождался бы тебя на улице.

– Что вам нужно? Вы – грабитель? Сколько денег вам дать, чтобы вы отсюда убрались?

– Нисколько! – парень снова хохотнул. – Ты уже дал мне денег достаточно. Ты что, забыл?

– Я вообще вас не знаю. Убирайтесь немедленно – я уже вызвал полицию. Сейчас они будут здесь.

Патрик извлек из кармана пиджака мобильный телефон и показал его парню. Большой палец Патрика лежал на синей кнопке экстренного оповещения полиции.

– Плевать мне на копов, – вяло сказал незнакомец. – Плевать на все. Ты уже освоил свою Руну Здоровья, Патрик?

– Нет, пока не получается... – Глаза Ньюмена растерянно округлились. – Откуда вы знаете о рунах? Я никому не говорил о них.

– Ну вот и отлично! Теперь уже никому не скажешь! Хочешь знать, кто я такой? Я – твоя смерть!

Патрик не сделал ни единого движения, чтобы защититься.

ся. Он стоял и молча смотрел на Клауса.

Серый "москит" негромко кашлянул – три раза подряд. Три пули впились в грудь профессора Ньюмена, и разнесли ее в кровавые клочья.

Сирена полиции завывала за окном. Клаус, дрожа всем телом, стоял над Ньюменом и пытался выстрелить еще раз. Контрольный в голову – так, кажется это называется... Почему эта пластиковая дрянь не стреляет? Там же полная обойма...

Дверь внизу вынесли с грохотом, по деревянной лестнице уже топали башмаки полицейских. Клаус чертыхнулся, сунул пистолет в карман и полез в открытое окно.

* * *

Ушел... Удрал... Полицейские с их воющими сиренами, резиновыми дубинками, пистолетами и наручниками остались где-то позади, канули в небытие за стеной, отделяющей сознание Клауса от отвратительного окружающего мира. Он не рассчитывал на это – втайне надеялся, что его пристрелят на месте преступления, при попытке к бегству. Так было бы проще. Теперь он снова остался наедине со своей главной проблемой – невыносимо затянувшейся жизнью. Где выход? Почему он так слаб, почему не может прервать эти муки собственной рукой?

Он совершил то, о чем так страстно мечтал сотни лет, во-

рочаясь без сна долгими ночами. Он прервал порочный процесс, начатый Патриком Ньюменом. Процесс, приведший в конце концов к гибели *нормального* человечества. Клаус Даффи поступил как умный садовник – обрезал больную ветвь, чтобы сохранить главный ствол дерева. Никто не распространит теперь в мире Руну Здоровья, никто не обманет людей несбыточной сказкой о совершенстве. Сапиенсы не вымрут. Не вымрут... Они будут жить своей жизнью.

Вот только ему, Клаусу, с сапиенсами не по пути. Он был чужим там, оказался чужим и здесь. Неприкаянная душа в странствиях между мирами.

Он вышел из полузабытья и обнаружил, что бредет по окраине города – району, не свидетельствующему о благополучии местных жителей. Мрачные каменные дома – разбитые окна, серые стены, исписанные до второго этажа непристойными разноцветными граффити. Хлюпающая грязь под ногами. Древние ржавые остовы машин, стоящие без колес на тротуарах. Болезненный свет редких фонарей, едва рассеивающий тьму. Враждебные взгляды потрепанных чернокожих, изредка попадающихся на пути. Трущобы, место жительства тех, кого деликатно называют афроамериканцами. Отличный шанс для приличного белого человека. Шанс влипнуть в большие неприятности, а может быть, и распространиться с жизнью.

Огромный негритянский парень стоял посередине дороги, запустив руки в карманы широченных штанов и рассмат-

ривал Клауса, презрительно выпятив толстую нижнюю губу. На его круглую голову была натянута вязаная шапка, слегка побитая молью, на черной куртке красовалась белая надпись: "Дай мне денег и я тебя полюблю".

– Эй, патластый, стой, – негромко сказал парень. – Читать умеешь?

– Умею.

– Усек, что у меня там написано?

– Усек.

– Так какого черта ты ждешь? Давай, раскошеливайся. Здесь моя земля, по ней не ходят бесплатно. Платят все.

– Дерьмо у тебя там написано, – сказал Клаус. – И сам ты – дерьмо! Денег мне не жалко, но я не хочу, чтобы ты меня полюбил. Не надо мне такой любви.

– Ты хочешь, чтоб я тебя возненавидел? – парень осклабился. – Я это легко сделаю, только тебе это не понравится. У меня хорошие кулаки, глиста ты белая, и они очень чешутся. А еще у меня есть отличный кусок железной трубы...

– Убей меня, – сказал Клаус. – Я заплачу тебе. У меня много денег, и ты заберешь их, когда убьешь меня. На вот пистолет, шлепни меня. Только стреляй в голову и не вздумай промазать...

Он протянул вперед "Магнус-москито". Парень отшатнулся, испуганно выставил вперед ладони – так, словно Клаус собирался стрелять в него. А потом развернулся и побежал.

– Эй, стой! – истошно завопил Клаус. – Стой!!!

Бешенство придало прыти его пьяным ногам. Негритянский парень бежал быстро, но Клаус догнал его в десять прыжков. Он прыгнул на спину здоровяку и обхватил его шею руками.

Они упали на выщербленный асфальт и, хрипя, покатались по земле. Клаус сцепил пальцы на черном горле противника. Он знал, что мог бы убить сейчас этого наркомана, ничтожного сапиенса... Но сейчас не ему предназначалась роль убийцы. Мавр должен сделать свое дело...

Негр, извиваясь, дотянулся до кармана, вытащил нож. Длинное острое лезвие со щелчком выскочило из рукоятки. А потом впилось в спину Клауса – глубоко, до самого сердца.
– Спасибо... – успел прошептать Клаус.

* * *

Из дневника Патрика Ньюмена:

27 марта 2005 года.

...два дня я провел в клинике. Пришлось принимать целые делегации сочувствующих – даже Маргарет Остенбаум из нейрососудистого отделения, с которой мы не разговаривали уже полгода по причине ссоры, принесла букет хризантем и изволила поцеловать меня в щеку. Грудь болит не на шутку – два перелома ребер, оба с левой стороны – преступник метил прямо в

сердце. Кашлять очень больно, чихать – невыносимо больно. Я сбежал из клиники с огромным трудом, чуть ли не со скандалом, под поручительство самого профессора Миловица. Все это не так страшно, ребра срастутся. Бронежилет спас мою жизнь – это самое главное. А жизнь моя, и голова моя еще очень пригодятся человечеству. Я это чувствую. Да нет, почему чувствую? Знаю.

Создание первых мыслеформ и методики по их освоению будет только началом. Впереди – годы сложной работы по их глобальному внедрению. Стратегия и тактика должны быть выверены тщательно, с ювелирной точностью. Человеческий социум неохотно воспринимает новшества, глубинно влияющие на индивидуальное сознание. Думаю, что одного только знания психологии скоро окажется для меня недостаточно. Необходимо срочно приступить к освоению социологии и политологии. Завтра же попрошу Роберта составить мне оптимальный библиографический список.

Очень необычное ощущение: знать, что произойдет с тобой сегодня, завтра, через несколько недель и даже месяцев. На годы мои способности пока не распространяются. Интересно, откуда взялся этот длинноволосый молодчик? Из будущего? Очень даже вероятно. Предположим такой гипотетический вариант: мне удастся доработать Руну Здоровья, и люди смогут жить до бесконечности. В таком будущем могут объявиться диссиденты, которым не понравится

новый порядок. Если, к тому же, будет изобретена возможность путешествия во времени, кто-нибудь неминуемо отправится в прошлое, чтобы уничтожить меня – виновного в создании мыслеформ.

Я не знаю, как зовут того, кто стрелял в меня. Но я узнал его лицо. Сегодня в криминальной хронике показали его посмертную фотографию. Он умер, а я жив. Его убили в негритянском квартале через два часа после того, как он пытался убить меня. Его не опознали до сих пор, и просят отозваться тех, кто знает что-нибудь о нем. Пожалуй, я промолчу. Ни к чему мне попадать в телевизионные передачи, смакующие убийства и насилия. Тем более, что об этом парне я действительно ничего не знаю.

Единственное, что я знал о нем – то, что он придет убить меня. Что он придет в мой дом вечером 25 марта и будет стрелять в меня из пистолета. И еще я знал, что выживу. Естественно, я тщательно подготовился к грядущему инциденту – предвидению необходимо помогать. Я купил хороший бронежилет. Я подложил под джемпер пакет с кетчупом, чтобы как можно правдоподобнее имитировать обильное кровотечение. Я врач, я знаю, как это должно выглядеть. И самое главное: я знал, что он почему-то не выстрелит мне в голову. В этом случае мне не помог бы никакой бронежилет.

Станный у него был пистолет. И пули нестандартные – маленькие, но с неожиданно высоким ударным воздействием – специалисты по

трассеологической экспертизе, которые извлекли их из моего бронжилета, так и не смогли их идентифицировать. Именно поэтому я и решил, что парень – из будущего. Он знал меня по имени, его не интересовали деньги. Он знал, что я изобрету Руну Здоровья. Он знал о моем будущем многое – гораздо больше, чем знаю сейчас я сам. Что-то в моем будущем не устроило его, и он вернулся сюда, в прошлое, чтобы меня убить.

Но он не знал одного, и очень важного. Я постараюсь, чтобы об этом не узнал никто и никогда. Потому что скоро в мире начнутся грандиозные изменения, и это – мой шанс выжить. Моя страховка.

Никто и никогда не узнает о самой первой мыслеформе, которую я создал три месяца назад.

Я назвал ее Руной Предвидения.

Узоры для умных и тупых

«Жил-был царь, было у него три сына, и все – дураки. Один – дебил, другой – имбецил, третий – идиот. Так вот, товарищи студенты, запомните по этой сказке три степени олигофрениии, или, говоря по-русски, слабоумия...»

Из клинической лекции профессора О.Г. Кукушко

1

Большинство людей, встретившихся мне в жизни, говорит, что я умный. Многие – что я очень умный. Я тоже так считал, пока не произошла эта история. История, о которой я хочу рассказать.

Хуч тоже считал себя далеко не глупым парнем, хотя, честно говоря, когда мы встретились с ним, был он дурак дураком. Бедняга Хуч... Впрочем, обо все по порядку.

Познакомились мы с Хучем случайно. Произошло это так: однажды я приобрел очередной компьютер, пятый уже по счету, и обнаружил, что техника моя не умещается ни на столе, ни около стола.

Места в моем логове – хоть отбавляй. Я купил двухкомнатную квартиру три года назад, после того как сорвал скалочный куш в виде заказа на рекламные щиты для пива

«Альбатрос». Заказ был рассчитан человек на шесть, но я сделал работу в одиночку. Не жрал, не спал, непостижимым образом умудрился напечатать за десять дней тысячу квадратных метров постеров на раздолбанном «Новаджете». Этот слоган мелькал тогда в нашем Нижнем Новгороде на каждом шагу: **«Твой полет бесконечен. Пиво Альбатрос»**. На рекламных щитах белая океанская птица парила над морем пива, над волнами с золотистыми бликами. Красиво, но тупо – и слоган, и картинка. Фирма «Альбатрос» прогорела и была куплена набирающей обороты финансовой группой «Среднерусский пивовар». Один малоизвестный мудрец сказал: «Даже из попугая можно сделать образованного политэконома – все, что он должен заучить, это лишь два слова: Спрос и Предложение». Очевидно, «Альбатрос» оказался глупее попугая. Впрочем моей вины тут не было – я лишь осуществил техническое исполнение и получил бабки.

За годы, проведенные в новой квартире, я так и не удосужился обставить их мебелью. Планы на этот счет имелись, но до осуществления их руки как-то не доходили. По правде сказать, я инертен во всем, что не относится к наружному дизайну, еде и выпивке. К тому же я не люблю излишней траты денег. Поэтому ветер из вечно открытых окон свободно гулял по пустым кубометрам моих апартаментов, ворошил полиэтиленовый мусор на полу. В рабочем кабинете – стол, офисное кресло, тройка принтеров, пара плотте-

ров, стайка компьютеров, рулоны бумаги и виниловой пленки-самоклейки. В спальне – древний продавленный диван и больше ничего. На кухне... Не буду описывать мою кухню, это слишком интимно. К тому же гарантирую – вам не понравится.

Как и у всякого завязанного компьютерщика, аппаратура моя находилась в полуразобранном виде, системные блоки стояли где попало, демонстрируя богатое внутреннее содержание. Единственного письменного стола хватало только для пары больших мониторов. С каждым новым купленным компом мне приходилось покупать все более длинные соединительные кабели, они безбожно путались друг с другом, и я уже сам с трудом понимал, как все это умудряется работать одновременно и слаженно. Пятый компьютер переполнил чашу и разрушил зыбкое, на грани хаоса, равновесие. Мои компы объявили забастовку и дружно повесились.

Пока я воевал с хитромудрой техникой, приспособив под третий монитор единственную свою кухонную табуретку, пропиликал звонок – явился мой приятель Вадик.

2

Иногда малозаметное событие является предвестником чего-то серьезного, способного перевернуть всю вашу жизнь. Так и случилось – вышеописанный звонок провозгласил начало первого акта драмы. Тогда я еще не знал этого.

Думал, что все закончится обычным употреблением пива на кухне.

– Жмот ты, Митя, – сказал мне Вадик. – Денег у тебя до черта, а живешь как подплинтусный таракан, в антисанитарных условиях.

Мой старый приятель Вадик – специалист по художественному оформлению ротового фасада, проще говоря, зубной протезист. Закончил медицинское училище, поэтому понятие о гигиене имеет. Во всяком случае, в его квартире все вычищено и вылизано. Я сам видел.

– Ты прав, Вадя, – грустно согласился я и отхлебнул пива.

– Вот сидишь ты на ящике из-под бутылок, – продолжил нравоучение Вадик, – плющишь свою и без того плоскую задницу. А все почему? Потому что последнюю табуретку уволок. Разве это дело?

– Не дело, – кивнул я.

На табуретке, как я уже говорил, устроился третий монитор. Системный блок может и на полу притулиться, а вот монитору положено более высокое место, иначе ни черта не видно будет, а это уже непорядок. Мой рабочий офисный стул пришлось уступить Вадиду, как гостю. По большому счету, мне было абсолютно безразлично на чем сидеть – в кресле, на пластмассовом ящике или даже на полу. Хотя, смею заметить, на табуретке все же удобнее.

– Мне нужен хороший компьютерный стол, – признался я. – Я думал над этим вопросом, даже нашел кое-что в

Интернете. Картинка там есть – не стол, а настоящий пульт управления звездолетом. Сказка, загляденье. Вот только как такое сделать? Сам не умею – руки не тем концом вставлены. А в фирму обратиться – разоришься. Видел я их цены...

– Все-таки ты жмот, – констатировал Вадим. – Правильно, зачем выкидывать бабки, если комп может и на табуреточке постоять. А что будет, когда следующий аппарат купишь? Кухонный стол туда поволочешь?

– Ну, не знаю... Поживем – увидим.

Вадик закурил, стряхнул пепел в обломок кокосовой скорлупы, служивший пепельницей, уставился на меня раздраженным взглядом.

– Знаешь, в чем твой дефект? – спросил он.

– У меня нет дефектов.

– Есть. Есть ярко выраженный дефект. Бывает такое: человек приятный, просто красавчик, одет с иголочки, а рот откроет – хоть стой, хоть падай. Зубы – как деревенский забор, половины штакетин не хватает, вторая половина – гнилая. И сразу видно – задница этот человек, на зубах экономит. Экономит на своем здоровье, на комфорте, на имидже своем. В общем, на самом главном.

Такой вот у меня друг Вадик. Любит философские обобщения. Только почему-то его жизненные примеры всегда облачены в стоматологическую форму.

– У меня зубы в порядке.

– Твои гнилые зубы – эта вот квартира, – Вадик ткнул

пальцем в кучу грязных тарелок, за неимением буфета сваленных на подоконнике. – Зайти сюда страшно. Сам не понимаю, что делаю в этой помойке.

– Ты мой друг. Тебе приятно сидеть и пить со мной пиво.

– Противно мне. Если бы ты был бедным, я бы спонсировал тебя по дружбе, сам бы купил все, что нужно. Так ведь ты богаче меня в десять раз, жадюга.

– Плевать мне на материальные ценности, – я еще пытался обороняться, – не это главное в жизни, Вадик...

– А что главное?! – взорвался Вадим. – Жить в бомжатнике?! Что у тебя за жизнь? Никуда ты не ходишь. В телевизор тарачишься да пиво лопаешь. Из хаты своей, по-моему, совсем уже не вылезает...

– Ну почему? А бильярд?

– Пошел ты со своим бильярдом!

Вадик поднялся на ноги и собрался уходить. Почему-то я понял, что уходит он навсегда. Это меня добило.

– Сдаюсь, – сказал я. – Будет у меня мебель. Завтра же приступлю к ее покупке. Может, посоветуешь чего?

3

Была у меня двоюродная тетушка – одна из малых веточек весьма разветвленного семейного дерева. Прожила она всю жизнь в Костроме, в полном одиночестве, прошла длинный жизненный путь от молодой девы – к деве старой – до про-

сто старушки. Интеллигентная такая старушенция – работала библиотекарем (старшим). С пятидесятих годов сохранилась у нее привычка – выпивать каждый день, после работы, полбокала хорошего виноградного вина. Кажется, это было «Мукузани», хотя не исключено, что «Ркацители», или даже «Хванчкара» – точно не помню, лишние подробности стираются из памяти. Жила она, не тужила, отличалась отменным здоровьем, пока один из вредных докторов (все они вредные) не дал ей совет бросить пить. «Алкоголь – яд, – сказал он, – яд в любом виде и любом количестве. Вы разрушаете им свою печень». Было, это помнится, во время тотальной борьбы с пьянством под руководством генсека Горбачева. И тетушка, как дисциплинированный член партии, завязала с дурной привычкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.